

18+

Никита Капернаумов

# Истоки моих поступков

Книга 1

Никита Капернаумов

**Истоки моих поступков. Книга 1**

«Издательские решения»

## **Капернаумов Н.**

Истоки моих поступков. Книга 1 / Н. Капернаумов —  
«Издательские решения»,

Для тех, кого интересует личность автора. Реконструкция первых тринадцати лет жизни (до 2007 года). Одна из самых больших автобиографий детства — более полумиллиона слов в четырёх книгах. Данная версия — цензурированная для интернет-магазинов. Книга содержит нецензурную брань.

# Истоки моих поступков. Книга 1

**Никита Капернаумов**

© Никита Капернаумов, 2026

ISBN 978-5-0070-3003-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-3004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— — — — —

Никита Капернаумов — Истоки моих поступков. Книга 1.

Версия от 04 апреля 2026.

\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*

— — — — —

Оглавление Книги 1

\_\_\_ Часть 1.

>>> Предыстория по линии мамы.

\_\_\_ Часть 2.

>>> Предыстория по линии отца и мой допамятный первый год.

\_\_\_ Часть 3.

>>> Часть 3 текст 1. Описание квартиры на Льва Кассиля.

>>> Часть 3 текст 2. Титя,,, стены в прихожей,,, ///зюйэь\\\\,,, курочка и психология слёз.

>>> Часть 3 текст 3. Манка,,, вырвало,,, клизма,,, страх перед неизвестным своим орга-  
низмом,,, дневник первых слов,,, «У нас в доме лев»,,, знакомость,,, /// кяйю ёё яюмкщ амкээ.  
\\ \\

>>> Часть 3 текст 4. Выходим гулять со Львы Кассиля,, в магазин с мамой на площади,, воспоминания о набережной и тюльпанах,, обратно домой по Театральной.

>>> Часть 3 текст 5. То ли сон,, то ли явь о празднике на площади,, парк,, карусели,, слабак ли я,, Рита,, дядь Серёжа,, кровать.

>>> Часть 3 текст 6. Игры на полу в зале,, пуговицы,, фильмы Михалкова,, серость бытия,, кроссовки с дырочками как у дяди Серёжи,, про пляж,, белые плиты музея,, мороженое,, на маленьком велосипеде по квартире,, отец делает мебель для маленькой комнаты.

>>> Часть 3 текст 7. Заболел,, лечимся,, приходит врач.

\_\_\_ Часть 4.

>>> Часть 4 текст 1. Идём в поликлинику.

>>> Часть 4 текст 2. Экскурсия по поликлинике,, первые два этажа.

>>> Часть 4 текст 3. Третий этаж садизма и остаток поликлиники.

>>> Часть 4 текст 4. В Саратове были,, джонснз-бейби.

>>> Часть 4 текст 5. ////Нгжкэ мжрщиз,, \\\ поход к дедам.

>>> Часть 4 текст 6. Заклеивание окон,, писиюсь,, первый снег,, на санках к бабе,, немного про двор у дедов,, про тройные зеркала,, обратно на Гавеле,, на Горького в фотосалон,, троллейбус.

>>> Часть 4 текст 7. Первый сознательный Новый год.

\_\_\_ Часть 5.

\_\_\_\_\_ Новый год.

>>> Часть 5 текст 1. Утро нового года.

>>> Часть 5 текст 2. Дед мороз и у дедов,, все книжки,, букварь,, лопаты,, хоккей.

>>> Часть 5 текст 3. На кухне Льва Кассиля,, Москва,, маяк,, Россия,, открытки,, новые обои,, день рождения,, весна на полу в зале,, журнал «Большая игра».

>>> Часть 5 текст 4. Робот полицейский,, вермишель.

\_\_\_ Часть 6.

>>> Часть 6 текст 1. Белый медведь в парке,, как всегда болею,, клизма,, цыганки,, пальмы,, Рики-тики-тави и змеи,, ходим к бабКлаве,, к дедам,, утро на Фрунзе.

>>> Часть 6 текст 2. Едем на дачу с дедами.

>>> Часть 6 текст 3. Устройство дачного участка дедов.

>>> Часть 6 текст 4. На Фрунзе познаю окружающую среду,, вечер на Фрунзе,, парад коров,, соседи на Фрунзе,, на голубом велосипеде по Фрунзе сложно, соседи по сторонам от нашего дома.

>>> Часть 6 текст 5. Вечер на Фрунзе,, парад коров,, соседи на Фрунзе,, на голубом велосипеде по Фрунзе сложно, соседи по сторонам от нашего дома.

\_\_\_ Часть 7.

\_\_\_\_\_Лето до детсада.

>>> Часть 7 текст 1. Тариндра-дуриндра,, собираемся в Саратов,, поехали в цирк.

>>> Часть 7 текст 2. Заезжаем в Саратов,, на представлении в цирке.

>>> Часть 7 текст 3. В Крытый рынок,, в Детский мир.

>>> Часть 7 текст 4. Идём по Кирова,, в парикмахерскую.

>>> Часть 7 текст 5. Дальше по Кирова,, в кафе и пирожные,, конец прогулки по Кирова.

>>> Часть 7 текст 6. Идём гулять утром с отцом по площади,, карусель цепочная,, тина,, катамараны,, камни,, спуск Солдатов,, Пристань смелых.

\_\_\_ Часть 8.

>>> Часть 8 текст 1. Поехали с отцом к бабе Вале.

>>> Часть 8 текст 2. Заходим к бабе Вале,, ужин в бабвалиуме,, посиделки в зале,, массаж перед сном.

>>> Часть 8 текст 3. Утро у бабы Вали,, поехали с бабой Валею на дачу.

>>> Часть 8 текст 4. Дорога до дачного участка бабВали,, дом-вагончик и участок.

>>> Часть 8 текст 5. Возвращение с бабВалей с дачи,, купание,, мигание светом с Ларисой,, массажи.

>>> Часть 8 текст 6. Баба Валя в профилакторию,, маска.

\_\_\_ Часть 9.

>>> Часть 9 текст 1. Идём на пляж,, путь до пляжа.

>>> Часть 9 текст 2. Купаемся,, греемся,, про кошельки и деньги,, зяблик,, трясогуска.

>>> Часть 9 текст 3. Про ///еюрягсёры нзоъйр,, \\\психология стыдливого смеха,, уходим с пляжа.

>>> Часть 9 текст 4. Отец у библиотеки,, мозайки,, пазлы,, шершавое,, Мойдодыр,, зарядка,, мама с «приберись» и узел.

>>> Часть 9 текст 5. Вечером второй раз на пляж,, жилет,, песок бисер,, Саньки,, чужие люди.

>>> Часть 9 текст 6. Жара,, бисер киров,, сны комары.

>>> Часть 9 текст 7. Третий раз на пляж,, сестрички,, тема чужих людей и не говорю родителям.

\_\_\_ Часть 10.

>>> Часть 10 текст 1. Снова к бабВале,, зоопарк и лев,, к Ларисе.

>>> Часть 10 текст 2. Санта-Барбара,, диван,, неприятность дневного сна,, бабВалины Светы,, кружок.

>>> Часть 10 текст 3. Идём на пляж с отцом днём,, сестрички там,, всё больше о них думаю,, приезжают знакомые отца с Валиком.

>>> Часть 10 текст 4. Пазлы,, идём к дедам,, с утра у дедов,, вечером дед со мной за паровозом,, с утра с отцом на площадь,, пацан на велосипеде,, Робин-Бобинщина.

>>> Часть 10 текст 5. В шкафу,, ///мжрщия,, чдзмсзю,, \\\чужие люди.

>>> Часть 10 текст 6. Ливень радуга,, новый велосипед,, гуляем фоткаемся,, тутовник,, арбузы.

>>> Часть 10 текст 7. К бабВале на дачу,, Таи,, Аллы,, ягоды.

>>> Часть 10 текст 8. В профилакторию,, уснул,, на машине в Энгельс на Фрунзу.

\_\_\_ Часть 11.

\_\_\_\_\_ Осень до детсада.

>>> Часть 11 текст 1. Начало очень серой осени,, гуляем с мамой по серости.

>>> Часть 11 текст 2. Игры в зале с подушками,, мостик,, /// нзоъйэ. \\\

>>> Часть 11 текст 3. Идём на «свиной базар» или «колхозный рынок»,,, барахольщики,, ряды со шмотками,, звериная часть базара.

>>> Часть 11 текст 4. Снова про вермишель,, про стресс с мамой.

>>> Часть 11 текст 5. Мама начала уходить по делам,, «я от тебя уйду»,, «вызову милицию»,, один дома.

>>> Часть 11 текст 6. Вечером кот Леопольд,, дядя Серёжа заходит на обед,, не хочу такое серое будущее.

\_\_\_ Часть 12.

>>> Часть 12 текст 1. День рождения бабы Клавы,, клетка инфантильности,, телесности,, снова болезнь,, дядя Серёжа привозит телевизор.

>>> Часть 12 текст 2. На Фрунзе,, лопата,, идиллии,, горка смелых,, утро на Фрунзе.

>>> Часть 12 текст 3. Возвращаемся на Льву Кассиля к Новому году,, пошли предновогодние дни,, покупка ёлки,, первые залёты Деда Мороза.

>>> Часть 12 текст 4. Последний день года,, Никулин в телевизоре,, приходят знакомые отца Дима Артошкин и Лёша Васильев.

>>> Часть 12 текст 5. Застолье на маленьком столике,, новогодняя еда,, Пугачиха,, прогулка до площади вечером,, возвращение домой и подарки,, созвоны и поздравления.

\_\_\_ Часть 13.

\_\_\_\_\_ Новый год перед детсадом.

>>> Часть 13 текст 1. Подарки с утра,, дни дома,, к дедам.

>>> Часть 13 текст 2. К новогодней бабеВале,, к Ларисе,, к Игорю.

>>> Часть 13 текст 3. К Шурыгиной,, Король Лев,, грустный конец праздников.

>>> Часть 13 текст 4. Просто зима пошла,, болею,, Морозко.

>>> Часть 13 текст 5. ////Цгйлрмшг,, нгйпюкцльв з нплхзв свйдолъв жэяяяц\\\\,, в поликлинику на анализы.

>>> Часть 13 текст 6. Прогулка все вместе с Валерой,, Фрунза праздники,, пушкинские сказки,, передачи по телевизору,, игра Чиполино,, в зоопарк с дедом.

>>> Часть 13 текст 7. К бабВале,, к Игорю,, Симбирь,, шпроты,, вырвало.

>>> Часть 13 текст 8. На Фрунзу,, на Льву Кассилю,, купы,,/// ляпэмрры нзоъйр,, \\ \\\несём куда-то мягкие игрушки,, визит в подозрительное место.

\_\_\_ Часть 14.

\_\_\_\_\_ Начало детсада.



>>> Часть 14 текст 1. Первый день детского сада,,, истерика в детсаду,,, ступор,,, чувство жути и узла в груди,,, стыд только перед определёнными людьми.

>>> Часть 14 текст 2. Все мне какой я взрослый,,, книги про животных,,, жук в тарелке Яны,,, тихий час и молоко вместо крови.

>>> Часть 14 текст 3. Переводят на первый этаж в детсаду,,, Косарев и первая стычка,,, я — плачущий аутсайдер.

>>> Часть 14 текст 4. Во двор на прогулку,,, тянущий узел в груди,,, Артём,,, кошмар обеда,,, формирование ненависти к системе.

>>> Часть 14 текст 5. Дневной сон без сна,,, ненависть к грёбаным чужим людям,,, полдник и ожидание родителей.

>>> Часть 14 текст 6. На Фрунзу после детсада,,, коттедж,,, церковь,,, книги,,, выезжаем с Фрунзы в Саратов,,, я как взрослый.

>>> Часть 14 текст 7. Из детсада на Льву Кассиля,,, отец и деда,,, к бабе Вале,,, ТЮЗ,,, в церковь крещение.

>>> Часть 14 текст 8. Поганный детсад,,, чужие не свои воспитатели,,, на игровой площадке во дворе,,, Артём смельчак,,, союз мам,,, на Фрунзе у палисадника,,, начало Алины.

>>> Часть 14 текст 9. Семейное сборище по Ивану на Киселёва в Саратове,,, истерика с шариком,,, с дедами на кладбище.

\_\_\_ Часть 15.

\_\_\_\_\_ Первое лето с детсадом.

>>> Часть 15 текст 1. С бабВалей на дачу ночёвка,,, к разрушенному дому,,, на электричке,,, в Энгельсе гастроном на горького и игры,,, опять к бабВале,,, Иван на «Девятке»,,, дарит КАМАЗ.

>>> Часть 15 текст 2. В детсаду,,, про заусенцы,,, общее с чужими через телесность,,, с бабой на серую Фрунзу,,, набор кошечек,,, бабВалёк забирает из Энгельса,,, бабВалиум,,, возвращение с отцом и Иван на рынке

>>> Часть 15 текст 3. К бабКлаве на работу на завод,,, на Льве Кассиля новый ковёр,,, на Фрунзе медведки и ядовитости,,, деда близки к пенсии.

>>> Часть 15 текст 4. Змея у палисадника,,, знакомство с Аней Гавелой.

>>> Часть 15 текст 5. Дочки-матери с Аней и Алиной,,, с Алиной без Ани — хулиганство,,, жара,,, в доме прохлада.

>>> Часть 15 текст 6. Дальние соседи по Фрунзе,,, катаемся с Алиной по траве,,, жара,,, зовут на Геракла,,, женщина-змея и прочий гениталиум,,, а также окаменение навсегда.

>>> Часть 15 текст 7. С какой-то Дашей,,, вокруг меня — одни женщины,,, к Семёновой с Яной,,, Король лев и драконы,,, алые закаты на Фрунзе и король Артур.

>>> Часть 15 текст 8. Район стадиона,,, ознакомительный визит на спортивную гимнастику,,, подтягиваюсь на Фрунзе,,, на даче с дедами,,, с мамой в окружную,,, и тут загорелые смельчаки на речке.

\_\_\_ Часть 16.

>>> Часть 16 текст 1. Львакассильная линия,,, ходим на пляж,,, сестрички всё бестолку,,, в Саратов в «Детский мир»,,, Кен,,, загон по масштабу Барби,,, нёрдский интерес.

>>> Часть 16 текст 2. В Саратове на Рахова,,, различие Саратов-Энгельс,,, ассоциации с академизмом.

>>> Часть 16 текст 3. В церковь на музейной площади,,, на набережную,,, старый Саратов,,, всякие Братиславы,,, пароходы.

>>> Часть 16 текст 4. В планетарий,,, музыка о ракетах и космосе,,, в саратовский музей.

>>> Часть 16 текст 5. Детсад,,, я — последний приходящий,,, наклейки Короля льва и Пумблик,,, наклейки в жвачках про любовь,,, половые тряпки,,, дневной сон и фантазии с коляской в небе.

>>> Часть 16 текст 6. На один день в другой детский сад,,, в моём детсаду в другую группу,,, загорелый пацан с Королём львом,,, снова плачу,,, Фатюшкин Лёша,,, другие соседи на Фрунзе,,, лавочные посиделки.

>>> Часть 16 текст 7. Резиновая саранча,,, балаган,,, с отцом снова балаган,,, к бабВале после рыбалки,,, беспросветность с сестричек,,, выследил сестричек по дамбе,,, угодливые мои родители.

>>> Часть 16 текст 8. Рассказы отца,,, с бабВалей на площади,,, акулы,,, увидел трупа в гробу с бабВалей,,, всё понятно теперь с этой жизнью.

— — — — —  
— — — — —

\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*

...

\_\_\_ Часть 1.

....

>>> Предыстория по линии мамы.

.....

Я начну с моей прабабки по материнской линии. Звали её Александра, а моя мама с бабой называли её баба Шура. Родилась она примерно в тысяча девятьсот десятых годах и, по рассказам мамы, была бедной и необразованной. Наверное, это было обычным делом для Саратовской области в начале двадцатого века. Сужу по фотографиям тех времён: там одна грязь, бабки в платках и полуразвалившиеся деревянные дома. Ненавижу даже думать о том времени. Муж бабы Шуры, Григорий Гришин, погиб в какой-то войне между Россией и Финляндией — в первом же бою, как мама рассказывала. Его где-то под Выборгом и похоронили. В принципе, всё, что я буду рассказывать о маминской линии, рассказывала мне она сама.

Баба Шура осталась с двумя детьми в Энгельсе — городе прямо напротив Саратова, через Волгу, которая в этом месте шириной три километра.

Вообще, баба Шура происходила из большой мордовской семьи, корни которой были в городе Сердобске. Это в Пензенской области, граничащей с Саратовской. Мордва — народ, который антропологически как-то связан с финнами, хотя проживает в центральной, даже южной России. В основном светловолосые, голубоглазые, невысокие, некрупные. Менталитетом — малоамбициозный, провинциальный народ, чей традиционный уклад ассоциировался с сельской жизнью, сконцентрированностью на личном быте. Последние этнографические стереотипы я уже впитал от отца — к людям с такими чертами быта и мышления он всегда относился иронично-презрительно, и вот он их всегда и называл «мордва», а ещё одним другим словом. Мама тоже употребляла слово «мордвин», но в её случае это было именно по отношению к мужчинам и не для описания личности, а для описания внешности. Обычно это про очень белобрыхых. Лично на меня эта акцентуация на моих мордовских корнях тоже повлияла, но это было в юности, когда я хотел быть потомком исконно русских людей, потомком викингов, и расстраивающе обнаруживал, что я потомок тех, кто у викингов были рабами. В моей детской биографии поэтому про этот комплекс вообще не будет.

Баба Шура не умела писать всю жизнь, а умерла она примерно в тысяча девятьсот девяностом году. Во время Второй мировой войны она, как я уже говорил, жила в Энгельсе с двумя детьми — моей бабой Клавой, рождённой в ноябре тридцать седьмого, и дядей Толей. Баба Шура работала медсестрой в больнице возле дома, приносила оттуда остатки еды. Жили они, по рассказам мамы и бабы Клавы, в мазанке из глины, земляной пол которой был ниже уровня земли. На участке был огород. Уровень жизни был ближе к глухой деревне.

Моста через Волгу тогда не было. Пока мост не построили и не открыли в тысяча девятьсот шестьдесят пятом, люди переправлялись через реку на паромов. Не знаю, сколько людей жило тогда в Энгельсе и Саратове, но в моё время — двести тысяч и семьсот тысяч соответственно.

Надо отметить климат региона: иногда летом плюс сорок, а зимой минус тридцать. Воздух очень сухой — казахские степи начинаются сразу за Энгельсом. Да и за саратовскими, выжженными солнцем и морозом, холмистыми берегами — тоже степь ещё на несколько сотен километров, пока ближе к Москве не начинается ассоциирующийся с Россией лесистый ландшафт. Очень солнечно в Саратовском регионе большую часть года. Много снега зимой.

Моя баба Клава обращалась к бабе Шуре на «вы». Возможно, для тех времён это ещё было нормой. Но отношения там были соответствующие, по рассказам мамы.

Когда баба Клава выросла, она поступила в Политехнический институт, находившийся в Саратове довольно далеко от берега. Не знаю истории её поездок туда. Наверное, это было адом — ездить каждый день в Саратов (около пятнадцати километров, и на всех видах транспорта, кроме самолётов). Может, она жила в общежитии. И я не знаю, почему она вообще решила получать высшее образование, откуда пришло вдохновение. Наверное, без технического образования не было хорошей работы — страна ведь тогда индустриализировалась. Это же был не университет, где читают книги и становятся филологами, а институт, где учились на инженеров. Она становилась инженером, связанным со строительством больших домов. Вроде бы, она потом специализировалась прям конкретно на вот этих наших панельных девятиэтажках.

Она закончила институт и, как было принято, была направлена на несколько лет работать в другой край страны — в город Красноярск. Ничего не знаю о её жизни там, кроме того, что она там сточила себе передние зубы, грызя кедровые орехи — она рассказывала.

Через несколько лет она вернулась в Энгельс. Ей было около двадцати семи. К этому времени мой дед уже переехал жить на соседнюю улицу к своим родственникам. Как я понял, из этой же семьи брат бабы Клавы, Толя, взял себе жену — маленькую мордвинку Люсю (они там тоже были мордвой).

Мой дед Владимир, или просто Вова, воспитывался вместе с несколькими братьями — насколько я знаю — матерью в далёком маленьком городке Ершове на энгельсском берегу Волги. А точнее — даже в каком-то селе там рядом, с названием «Штурм». Это где-то в степях, где уже даже не кони, а верблюды. Мама говорит, что она однажды или дважды ездила туда, и место было предельно бедным. Ещё она рассказывала, что мать деда была огромная, толстая и любила готовить яичницу на жире, от чего её — мою маму, то есть — чуть ли не рвало. Несмотря на сухую степь вокруг, возле Ершова было полно озёр с рыбой, и дед привык к рыбалке. Его братья — не говоря уж о его отце — умерли от алкоголизма. Он же каким-то образом оказался в Энгельсе и учился на сантехника.

Деда Вова всегда отличался молчаливостью. История, которую он рассказал, когда был пьян, по словам мамы, такая: однажды в школе он сказал сентиментальную или смелую реплику на уроке, но дети засмеялись — и он замолчал на всю жизнь. Ещё он был довольно маленький, хотя и симпатичный: тёмные волосы, голубые глаза. А его лицо всегда напоминало мне главного героя «Унесённых ветром» или, точнее, Майкла Мэдсена в фильмах Тарантино.

Он отслужил в армии нормально, пограничником, без происшествий. Его родственники, с которыми он жил в Энгельсе, не говоря уж о моём бабье, с которым он связался, менталитетно были очень мордовские — в смысле, они не признавали никаких возвышенных устремлений, ничего им было не нужно, кроме посиделок возле дома на лавочке и картошки в погребе (эта иллюстрация — в духе отцовских презрительных стереотипов). Мама рассказывает, что все отговаривали деда от того, чтобы стать художником. А он уже рисовал портреты. Вот так он и пошёл в итоге учиться на сантехника в самое простое училище и больше никогда уже никаких инициатив не проявлял.

Мама ничего не знает о своём рождении. Баба с дедом никогда ей на эту тему не рассказывали. Сомнений в том, что она их дочь, конечно, нет — она явно унаследовала их внешние черты. Тем не менее, мне она рассказывала, что, например, когда она меняла мне подгузники, баба Клава комментировала: «Фу, как ты можешь?», и было много других признаков, по которым мама, хоть и скорее иронично, но недоумевала, как же тогда баба Клава занималась ею в раннем детстве.

Трое — баба Клава, дед и мама — жили вместе на протяжении маминого детства. Не знаю точной последовательности квартир, в которых они жили. Всегда было то основное место — главный родовой частный дом — на улице Фрунзе, где жила баба Шура и где мама провела

значительную часть детства. Я буду чаще называть тот дом просто «Фрунза». И были также квартиры, которые баба Клава начала получать от государства одну взамен предыдущей. Это же была обычная практика для рабочих людей СССР. И если была семья, то давали хотя бы двухкомнатную.

Первой квартирой, должно быть, была та, которая, по рассказам мамы, была недалеко от Фрунзы — в пятиэтажке, в районе, известном как «Живые и мёртвые» (там дома стояли на месте бывшего кладбища). Мама рассказывает, что бывало даже то, что дети находили кости во вскопанной земле во дворе. Район также был рядом с важным для моей истории местом — городским стадионом. Это целый квартал, где, помимо самого стадиона, на территории много разных спортивных площадок, футбольных полей и рощ деревьев с тропинками для бега.

Весь тот район — «Живые и мёртвые», одноэтажные кварталы вокруг Фрунзы и, в целом, весь восточный Энгельс — всегда был в моём воображении очень советским. СССР же пропагандировал здоровый образ жизни и спорт. Я представлял себе частые соревнования и спортивные игры на том стадионе, духовые спортивные оркестры, представлял всех этих прилежных рабочих советских людей и их детей, пионеров, стекающихся туда в выходной день.

Вдоль того района идёт улица Полиграфическая, одна из основных в городе, по которой оттуда в одну сторону ходили автобусы в центр и дальше в Саратов, а в другую — на дачи, к военному аэродрому (одному из основных в стране) и на главное городское кладбище.

Мама рассказывала, как выглядели похороны в её детстве. Тело в противном красном, почти розовом, гробу с рюшечками клали на кучу цветов и венков в открытый кузов грузовика, и он медленно ехал по Полиграфической к кладбищу, а за ним шла процессия старпёров и бабок в платках. А сначала ещё покойник должен был пролежать дома в гробу три дня, согласно какой-то православной традиции (что странно для атеистического СССР). Возможно, образ похорон конкретно в части процессии по Полиграфической улице сформировался у мамы от особых похорон — может, героев войны, потому что трудно представить, чтобы у всех в городе были такие похороны. А что касается тех трёхдневных традиций с гробом дома, а ещё тазом формалина и подвязываемой челюстью, чтоб не открывалась — это вообще отдельная тема, как это всё отпечаталось на невротичной маме.

Мама ходила в школу номер десять на улице Телеграфная — это недалеко от Волги. Она была в центре района, состоящего исключительно из частных домов, как Фрунза, только чаще ещё беднее. Контингент там жил соответствующий — люди, ходящие в туалет во двор, держащие кур и всё такое. Большая деревня просто.

На Фрунзе на участке, где жила прабабушка в полуземлянке, рядом построили новый дом, полукаркасный, полукирпичный. Строить полноценный кирпичный было дорого, да и не было принято. А эти полудеревянные скоро начинали гнить, скрипеть и легко проваливались.

В строительстве была задействована вся семья. Как я понимаю, к маминому рождению он уж был построен. Деревянные ворота были зелёными, дом был одноэтажным, облицован оранжевым кирпичом. Проходишь через калитку во двор, потом на крыльцо, затем в холодные сени, где валялись сапоги и галоши, метлы и посуда в шкафчике. Затем главная утеплённая дверь, ведущая сразу на кухню. Справа — мойка, плита, газовая печка и кухонный стол в углу у окна, слева — маленькая жилая комнатка, впереди — дверь в проходную комнатку, из которой вход в вообще крошечную комнатку около трёх квадратных метров, а слева — ещё одна комната — основной зал с двумя окнами. Весь дом — около сорока квадратных метров. Туалета в доме не было. Надо было предугадывать нужду, хватать газету, одевать телогрейку и холодные галоши и, если ещё не поздно, бежать по тропинке в конец двора к вонючему деревянному туалету в морозной темноте. Лишь ближе ко времени моего детства из первой маленькой комнаты сделали туалет внутри дома, но пользовался им только я, так как хозяйка — баба Клава к тому времени — не хотела то ли изнашивать систему, то ли тратить ресурс выгребной ямы, которую по заполнению нужно было откачивать специальной службой, что,

в свою очередь, ещё и могло повлечь юридические проблемы, так как по каким-то причинам яма не была и не могла быть узаконена.

В школе, куда ходила мама, была та же проблема. Был примерно семьдесят пятый год, и туалетов внутри здания по-прежнему не было. Они были где-то во дворе — представляю, какие засранные. Во дворе школы ещё было болото с камышом и утками.

Мама не раз рассказывала, как она не могла перестать смеяться в школе, когда все о чём-то хихикали. Это её природная черта, как у меня. В смысле, когда учитель приказывала всем замолчать, другие могли остановиться, а мама — нет. И учитель выгоняла её из класса.

Она с детства ковыряла пальцы — кожу вокруг ногтей. Вся кожа над ногтями у неё была в ранах, и пальцы были как опухшие, хотя руки были тонкие и модельные. К моему времени большие пальцы у неё были всегда самыми «съеденными» — и в грязи, которая никогда полностью не смывалась после чистки картошки.

Какое-то время она занималась спортивной гимнастикой. Это было не в спортшколе на городском стадионе — её ещё не построили, — а в одном здании в центре города, рядом с главной площадью и парком. Вместе с ней занималась ещё её одноклассница Лена Семёнова. На первых порах у мамы шло нормально, но как начались всякие рискованные прыжки через бревно, она бросила.

Также она некоторое время ходила в музыкальную школу на фортепиано. Преподаватель там била учеников указкой по рукам.

Вся мамина семья тогда состояла из следующих людей: прабабка Шура, моя баба Клава, мой дед, сама мама, сын бабы Шуры — Толя, его жена Люся, а также сыновья последних двоих — Валера и Юра. Валера, как знаю, на три года старше мамы. Все восьмеро собирались в родовом доме на Фрунзе на праздники и, кроме моей мамы и её родителей, там жили.

Валера и Юра оба были рыжеватыми, по крайней мере Валера. У Валеры были усы, и ещё глаза у него как-то близко друг к другу, так что вместе с его рыжестью он мне в детстве напоминал варёного рака. Их мать — Люся, которую я в детстве буду называть тётей Люсей, — была простой, скромной и работала медсестрой.////

А ърнй аввмлк ё мваплрзфлнй нзотдгмёж Яюквоа, бёвзйм, оно фрйзаюмёпсшк, мжэянфгмкшл ьмумл. Йлбгэ лкг ющкл нзмкл гваюплябфяпж, кяюю нюроияеюкэ н пнющсёж ёё вд бгсорбэ. Лля, Бэйдню ё зт рлпдб-пладолзз заояиж ям баннг кю Соткёд, з ряй, я рэояв, Яюквоа и кги ияз-сл рвиррюкшлн ннбмллбяипю. Нкю кжйлкт ма ыслк кг амблотию, упэлзию ърн ияз йлёнь, ж пмкцин а ърн ед апвкю, йлбгэ пэпрзюжэйя кмв, янднаъв пэпрзюжэйя ма ыслк ююав Йиюбв б жф мцводблнж оводмюкзг.

Рязжд «зеляожклякжю» (э р ге лдяонпжжймл ммё блпонжмёкяижрщ зйгмкм пюй) гиэ кге лд яъиж нггзмрпэ. Нбжм ояе нкю хйя аглыы рднозпмпёж орябжнкю, инпмпшз ющк нн нтпж кю Соткёт мс внийю, бгв нкю джкэ р онбжсвийюж, ж лрсрвя аъхгк ктджй ж ойнагркм мозоряи р пдзптэйыкшлё мэкезюлё. Ямс рязми пкрхяж, кюонжлво. Ж лля ннийлзп ьпм япэ езелы. Я гшг онм Ълввийюпйёз амплврзми няни лля ояопйэёяюкэ йэи л лвпсв, ёёбвпскмл жжяояцгмююлё. \\\

Но было и реальное нападение один раз — позже упомяну.

Дед продвигался в своей карьере и теперь работал на городской ТЭЦ. С бригадой они лазили ещё в люки по городу с налобными фонариками что-то чинить, мама, вроде, рассказывала. Ну а вечером он предавался своей наследственной склонности к алкоголю. Баба Клава этого не терпела и устраивала скандалы. Вроде бы она его даже била. По крайней мере, она била маму. В итоге, в общем, у них доходило до того, что дед брал нож и грозился бабу резать. Бегал за ней вокруг какого-то стола, по рассказам мамы. Сама мама, естественно, была предельно напугана. Дед в эти моменты просил её уйти в другую комнату и ещё больше взбе-

шивался оттого, до чего баб-Клавины скандалы доводят их дочь. Вот так, по рассказам мамы, было всё детство. То есть, исходя из её рассказов, проблема была не столько в пьющем деде, сколько в том, как баба Клава его пилила и провоцировала выходить из себя.

Потом, не найдя решимости применить нож, дед уговонялся, уходил в своё мрачное забытие, а баба Клава направляла свою злость на маму, наказывая её за малейшую провинность.

Мама рассказывала, что один раз её тревога была настолько сильной и продолжительной, что она не спала двое суток и из-за этого видела в воздухе перед собой будто какие-то звёздочки, а на следующий день не пошла в школу.

Била и издевалась над мамой именно только баба Клава. И только тогда, когда дед не видел. После того как мне исполнилось восемнадцать-двадцать, мама впадала в такую ярость, вспоминая своё детство и отношения с ней, что называла её «чёртовой сукой» и говорила, что убьёт её, как только вернётся в Энгельс (когда мы уже жили в Санкт-Петербурге), и что бабу Клаву следовало бы упечь в тюрьму за то, как она с ней обращалась. У них всё моё детство были трудные отношения, а в годы моей взрослости — даже драки, с заявлениями в полицию друг на друга.

Мама часто рассказывала, что в детстве она мечтала, чтобы родители исчезли. Не умерли, но чтоб их не было.

Есть истории и фотографии, где они втроём ездили на морские курорты. В одну поездку, мама рассказывала, там была штормовая погода, и никто не ходил к морю — кроме деда. Он вышел под дождь и пошёл на берег, «чтобы встретить стихию». Мама с бабой пошли смотреть, что он затеял. Он стоял на краю утёса, будто бросая вызов буре — наверное, пьяный.

Он любил уходить от них, побыть один и выпить там. Его рыбалка, думаю, была прежде всего для этого. Машины тогда у него не было, но в моём раннем детстве был так называемый «мотороллер» — большой трёхколёсный мотоцикл с прицепом на двух колёсах. Наверное, он у него был и до меня, и это на нём он ездил на рыбалку. Потому что когда мне было шесть, он купил машину, и мы начали ездить на рыбалку вчетвером, он уже хорошо знал энгельсский берег и рыбацкие места.

Они недолго жили в доме на «Живых и мёртвых» — им выделили новую квартиру, и они переехали. Она была немного дальше от родового дома, в районе, называемом «у первой школы» — в честь главной школы там. Я не помню никаких интересных историй об этой квартире, кроме той, что дед однажды чуть не сжёг её вместе с собой, забыв выключить газ.

А вскоре, в районе маминого подросткового возраста, баба Клава, уже немало проработавшая на железобетонном заводе, получила третью и последнюю квартиру — трёхкомнатную в центре Энгельса.

Баба Шура устраивала истерики всякий раз, когда появлялась перспектива того, что баба Клава может переехать слишком далеко от родового дома. Когда баба Клава после института работала в Красноярске, ей там предлагали какое-то постоянное место, но баба Шура категорически запретила, и баба Клава вернулась.

Первые две квартиры были достаточно близко. Но когда бабе Клаве предложили переезжать из той квартиры у первой школы, выбор был такой: двухкомнатная в Саратове или эта трёхкомнатная в Энгельсе. При мысли о том, что баба Клава переедет в Саратов и привычный семейный образ жизни прекратится, баба Шура грозила повеситься. Поэтому и согласовали трёхкомнатную квартиру в центре Энгельса — в доме на улице Льва Кассиля, шестнадцать. Это та квартира, в которой пройдёт моё детство. Саму квартиру я опишу подробно, когда начну о себе. Улица Льва Кассиля — это в честь советского детского писателя, домик которого там прямо под окнами квартиры. Дом — панельный, шестиподъездный, сто пятьдесят метров в длину. А квартира — угловая. Это была очень дурацкая квартира. Зато не Саратов. До Фрунзы от Льва Кассиля — три километра.

Я также помню, что мама говорила, что бабе предлагали не только трёхкомнатную, но и две однокомнатные — или даже одну однокомнатную и одну двухкомнатную. Это для детей, на вырост, так сказать. Но это, теперь, было неприемлемо для бабы, так как она — как это в течение жизни стало видно — не приемлела мысли, чтобы кто-то, по крайней мере мама, получил целую квартиру просто так, когда вырастет. Воспитание или отношение было таково, что баба Клава считала, что мама должна заработать квартиру сама, проливая пот и кровь, работая долгие годы, как она. Вспоминая их споры, мама всегда вспоминала бабины слова: «Заработай сама».

Вообще, я с трудом могу представить моих бабу Клаву и деда, живущими в квартирах, тем более в той трёхкомнатной. В моё время они жили в родовом доме. Но, тем не менее, это было, и я перечислю то, что помню про их ЛьваКассильную жизнь из рассказов мамы.

Не то чтобы кто-то в семье был музыкантом, скорее просто по модной тогда тенденции, баба с дедом купили на Льву Кассиля пианино. Стоило оно несколько месячных зарплат, и несли его шесть мужиков.

Однажды дед пришёл домой пьяный и уснул в прихожей на полу посреди обуви. Баба с мамой просто перешагивали его, а он там ещё и обоссался.

Когда баба Клава заканчивала принимать ванну, по какой-то причине — скорее всего той же самой брезгливости, из-за которой она и подгузники детей менять брезговала — она не собирала этот плавающий по поверхности воды мыльный эпителий. Смывать и оттирать его от ванны приходилось потом маме. А также маме приходилось стирать адские носки деда, и она говорит, её чуть ли не рвало.

Между ними тремя не было физических проявлений привязанности — никаких объятий, разве что, наверное, формально, на день рождения.

Как понимаю, вскоре после времён, когда была сделана фотография бабы Клавы в тридцать с чем-то лет — где она выглядит более-менее женственно с длинными волосами — её стрижка была короткой.

По тому, что видела мама, признаков романтических отношений между бабой и дедом никогда не было. Спали они в отдельных кроватях. Баба спала на спине, руки под головой. Дед спал на редко стираемом постельном белье и вечно завывал во сне. Мама у меня тоже всю мою молодость кричит во сне, а когда просыпается, рассказывает, что ей снятся кошмары по мотивам детства. У бабы завываний во сне, вроде, не было.

Голуби пытались селиться и вить гнёзда на балконе, но дед их отпугивал — и, как рассказывала мама, он в них даже из чего-то стрелял, хотя из чего — непонятно: у него никогда не было ни ружья, ни охотничьего ножа. К тому же — это мама так всегда выражалась — он из тех, кто «и муху не обидит». Смутно помню какие-то её рассказы о том, что ему и другим рабочим выдавали на работе ружья для отстрела голубей, но, скорее всего, это для отстрела на рабочей территории, а не там, где жилые дома.

Баба Клава и дед работали в учреждениях, располагавшихся на промзонистых окраинах Энгельса. Я был на их работах по одному разу — это были самые серые места, в каких я только был.

Дам немного деталей о планировке города, хотя всё это можно увидеть в гугле.

Из района с улицей Фрунзе и нашим родовым домом к центру Энгельса идут несколько улиц. Персидского (я часто называю её Персидская) — самая важная в нашей истории и по которой мы ходили чаще всего, так как это был ближайший путь в центр — ведёт к Детскому парку (так он официально назывался), в котором в моё время была православная церковь. Через дорогу от Детского парка, в свою очередь, можно выйти на главную городскую площадь,



с которой вход в городской парк, а за ним и набережная, — или, повернув от Детского парка налево и через триста метров, дойти до Льва Кассиля. А между Детским парком и Волгой, находится городская ярмарка — главное место торговли в городе. Расстояния небольшие, город маленький.

Другая, идущая параллельно Персидской, улица — Телеграфная (она ближе к Волге) — тихая и с одноэтажными домами, на которой мамина школа, ведёт прямо к главной площади. Ещё другая — Нестерова, по которой ездили автобусы в Саратов, а также грузовики и всякие похоронные автобусы. И была уже улица Тельмана — проходившая мимо ранее упомянутой Первой школы. Но в мамино время и в моём детстве она была не четырёх-, а двухполосной, и по ней ездили в основном троллейбусы в серые многоэтажные спальные районы на восточной и индустриальной части города; это сильно дальше района Первой школы. Один из тех районов называется «Химволокно». Там ничего нет, кроме промзон вокруг и ещё какого-то старого городского кладбища.

Стадион находился рядом с пересечением Полиграфической и Нестерова. Эти две улицы в моей памяти самые увешанные искусственными венками на столбах и деревьях — в память о тех, кого там давили.

На востоке города Нестерова кончалась неприятным жилым районом — Лётка, названным от слова «лётчик». Он был связан с ближайшим военным аэродромом — там жили работники. Очень серый и удручающий район.

Видя, что атмосфера дома с двумя родителями всегда напряжённая, мама любила проводить время на Фрунзе.

Фрунза, родовой дом, стоял на краю длинной десяти-пятнадцати-метровой возвышенности (в моё время мы её также называли «гора», это было одним из нарицательных родового дома и имело ещё ироничный оттенок), простиравшейся с севера на юг через весь город. Улица Фрунзе как раз идёт вдоль этого склона. Родители мне говорили, что тысячи или миллионы лет назад это был левый берег реки — то есть вся нижняя часть города была под водой. В досоветское время город часто топило — в музее есть фотографии людей в лодках среди домов. Потом построили дамбу и сделали по ней набережную. Это, правда, не помогло избавиться от грязи в городе. Кроме той возвышенности, Энгельс абсолютно равнинный город и всегда славился грязевыми замесами в дождливые дни, из-за отсутствия ливнёвок.

Так что семейный дом, стоящий прямо на краю возвышенной части города, был с видом на запад — центр Энгельса, колесо обозрения и даже Саратов, по крайней мере ту часть, где мост подходит к городу.

Зимой там, соответственно, были снежные и ледяные горки, катания. Население округи, как я говорил, было бедное, полудеревенское, а дети — грубое хулиганье. Пацаны в драных пальто, в расстёгнутых шапках-ушанках — как маленькие бомжи — и ещё конопатые, подлые, ставящие друг другу подножки. Это и мама всё так вспоминала, и я помню детей на тех горках даже из своего детства такими. Поэтому на эти горки мама ходила с дедом, и он присматривал сверху.

В мамино время самая популярная горка для катания была по улице Персидского — от больницы, которую я уже упомянул, где работала баба Шура и ставшая к этому времени уже онкологической — и вниз примерно двести метров до районной бани. К моему времени по Персидской уже иногда ездили машины, и катание там прекратилось.

Примерно в это время началась череда смертей на Фрунзе. Первая — дядя Толя, брат бабы Клавы. Какой-то рак у него был. Наверное, именно его случай оставил на маме наибольшее впечатление. Тётя Люся там подставляла формалин под гроб, труп подвязывали челюсть,

воняло на весь дом, ну и всё в этом духе. Мама всю жизнь вспоминала всё это с тревожным юмором. Она стала некрофобкой.

Будет ещё двое похорон — тоже в том доме. И, конечно, соседи (среди которых было много пожилых, так как молодые переезжали в многоэтажки) там тоже умирали на ура. У мамы поэтому тот дом и место, особенно в её снах, связываются со смертью.

В мамином юношестве были часты так называемые «вечерние» или даже «ночные походы». Изначально, при составлении этого текста и как я эти истории помнил долгие годы, это было по следующему сценарию. После какого-нибудь скандала дома на Льве Кассиля, когда никто ни с кем не разговаривал, — вот в такие моменты мама молча собиралась и уходила на Фрунзу к более спокойной бабе Шуре. Я не стану удалять эту версию, потому что не просто же так я всю молодость помнил именно такой сценарий. Может, и он имел место всё-таки. Но на стадии коррекции текста, когда мама в очередной раз в воспоминаниях коснулась темы этих ночных походов, история звучала иначе, и именно этот сценарий поэтому единственный достоверный, и вот я его сейчас вписываю. Ночные походы совершались, наоборот, с Фрунзы. После смерти дяди Толи у впечатлительной мамы начались кошмары или даже наяву паника и мысли, что в дальнем краю двора, в сарае, стоит гроб, и всякое в этом духе. У неё ещё позже в жизни, когда вечно просыпалась от кошмаров, были сны с вертикально движущейся, как привидение, мёртвой бабой Шурой. В общем, пиздец намного хлеще того, что будет у меня в конце детской истории. И вот, тогда, в своём юношестве, она не могла выносить оставаться там на Фрунзе и собиралась и молча шла на Льву Кассиля, а следом за ней шёл присматривающий за ней дед. А что касается того, почему она делала это молча — ну, это потому что отношения в их семье, в которой никто даже никого не обнимал, рассказы о психологических проблемах и вовсе были не приняты.

Что ещё вспомнить о мамином детстве... На месте тех соседей по дому на Фрунзе, у которых в моей истории будет фамилия Гавелы, в мамино время жила семья цыган.

Однажды мама там перелезала через какой-то забор, задела ногой гвоздь и буквально повисла на нём вверх ногами, пока её не сняли и не отвезли в больницу. Больница там рядом. Там и городская больница, и онкологическая, и морг — всё в ста метрах от Фрунзе.

Не знаю с какого момента, но у бабы Клавды ещё была дача. Там построили дом из каких-то бетонных блоков. Дача была в десяти километрах от Фрунзе. У мамы дача в её детстве и юности ассоциируется с понятием «каторга». Как и холодная угловая трёхкомнатная, дача у баб Клавды тоже была неудачная — на выжженном солнцем месте, с глиной, а не землёй, с отсутствием каких-либо преимуществ типа какого-нибудь пляжа рядом. У многих людей дачи были недалеко от Волги, и вот там была совсем другая история. Под конец её подростковых лет мама уже ненавидела поездки на дачу.

В Саратовской области было нечего делать, было плохо с продуктами. Так было во всех советских провинциях, конечно, но говорят, что так как Саратов был стратегическим городом — с Саратовским авиационным заводом, военным аэродромом и другими заводами — он был особенно закрыт. Была проблема с мясом, с колбасой (известная фраза: «В Москву за колбасой»).

Через бабу Шуру, чья родня разъехалась по всей стране, как я понимаю, у нашей семьи имелись дальние родственники в Латвии (тогда части СССР). Вот мама ездила туда к ним пару раз. Там, она говорит, было всё в избытке — как в Москве.

И если Саратов был такой, то в Энгельсе уж тем более всё было отстало.

По телевизору было два канала. Даже джинсов ни у кого не было.

Никогда не думал, что когда-нибудь буду рассказывать о чёртовом СССР как старпёр. Это было нужно, чтобы описать детство мамы.

Но теперь она закончила школу и, как она говорит, была почти единственной в классе, кто пошёл получать высшее образование. Остальные пошли или в училища, или сразу работать. Один её странный одноклассник, который ещё красил волосы в зелёный, в конце концов то ли умер, то ли погиб.

Чуть не забыл — один из одноклассников был в неё влюблён и таскался за ней. Расскажу о нём когда-нибудь позже.

В последний год школы она училась на подготовительных курсах в Саратове и немного вкусила саратовской жизни. Институт, куда она собиралась, был тем же, где училась баба Клава.

Теперь снова о географии и локациях.

Саратов находится на другой стороне Волги через мост. Чтобы попасть на этот мост из центра Энгельса, садились на автобус — обычно тот, что шёл мимо главной площади и городского музея. Дальше автобус проходил по нескольким небольшим улицам и местам, каждое из которых названо или в честь какого-нибудь коммуниста, или в честь индустриализации и труда — вроде «улица Трудовая», «улица Рабочая», «улица Лесозаводская». Справа за высокой набережной проезжали пляж. Затем, вонючий на километры вокруг, Клеевый завод. Потом автобус поворачивал направо и вскоре — на мост. Мост длиной три километра, высокий, на совокупно три ряда машин, считается красивым и местной достопримечательностью, проходит над пляжем посередине Волги и приходит на сторону Саратова возле десятиэтажного жилого дома, в народе называющегося «Пентагон». Вдоль «Пентагона» транспорт шёл либо дальше по холмистой улице Соколовой, либо, если это общественный транспорт, поворачивал налево на маленькую улицу, затем сворачивал на мост через Глебучев овраг, потом снова маленькие улицы с обеих сторон и затем направо на длинную главную улицу Саратова — Московскую, которая в конечном итоге заканчивается у главного железнодорожного вокзала, где и конечная.

Я, разумеется, буду описывать ситуацию на улицах и местах в центре Саратова ещё много раз. Сейчас лишь хочу описать маршрут мамы до института.

Я сам никогда не был в Политехническом институте и наверное не видел его — только несколько раз проезжал мимо на машине или автобусе, и мама или отец указывали и говорили: «Вот там Политехнический институт», но я всё равно не мог понять, что именно там этот институт.

Этот институт, Политех, — почти у подножия гор, на другой стороне железной дороги, идущей вдоль Саратова. В общем — далеко от центра Саратова, и кроме как в этот Политех бывать там больше незачем.

Чтобы туда попасть, нужно было выйти из энгельсского автобуса на Астраханской и Московской — отстоять на морозной остановке, пока за спиной молодёжь, выбравшая «гуманитарное» образование, уже заходит в свой университет, — и потом примерно пятнадцать минут ехать на холодном трамвае до института.

Вот я точно не знаю, на чём именно мама переезжала через Волгу. Если это был популярный троллейбус номер девять, который перестал ходить в две тысячи четвёртом году, то ей нужно было садиться на него рядом с Энгельским музеем, где была конечная. Всё зависело от того, откуда она начинала маршрут. Но когда мы с ней говорили о грязи в Энгельсе, она часто вспоминала, как баба Шура провожала её и забирала галоши, когда она, в обуви для Саратова, садилась на автобус двести сорок девять. Значит, либо маршрут начинался от квартиры Льва Кассиля (и тогда она ехала на пустом морозном троллейбусе номер девять или уже набитом автобусе), либо с Фрунзе, и тогда она садилась на ещё относительно пустой автобус на Полиграфической.

В любом случае ей, я так понимаю, нужно было попасть на перекрёсток Московской и Астраханской в Саратове, где проходит трамвай до Политеха.

Она рассказывала, что до поступления в институт хотела стать балериной — к тому же у неё была подходящая фигура. Не знаю, почему она не попробовала пойти по этому пути, ведь она часто, в разговорах о взрослении и независимости, рассказывала, что никто не наставлял её в вопросах будущего и профессии — и именно она сама решила и поехала в Политех на подготовительные курсы и потом поступила туда примерно в шестнадцать лет. Наверное, баба Клава намёками всё же дала понять, что она должна поступать туда.

В школе у неё был одноклассник, который, как я упоминал ранее, к ней романтически подкатывал. Нёс ей её портфель до дома, вероятно, дарил цветы и всё такое. Ей он не был интересен. Пока что больше информации о нём нет. Он появится в моём детстве.

Потом, когда ей было примерно шестнадцать, появился кто-то по фамилии Козлов. Не знаю, насколько этот Козлов был козлом, но по рассказам я понял, что ей он не нравился. Я также не знаю, где она с ним познакомилась. Он был то ли на восемь, то ли на десять лет старше её. Пару её воспоминаний, связанных с ним, я запомнил.

Однажды она пошла к нему домой, что в Энгельсе рядом с Первой школой, и там были его родители. Его отец тоже проявлял к ней симпатию разными забавными способами. Когда она собиралась уходить и одевала свои высокие сапоги, она закричала — почувствовала что-то внутри. Его отец подбросил туда щётку. Все смеялись. И ей он, между прочим, нравился больше, чем сын — она всегда так рассказывала.

Потом мать этого Козлова звонила маме с вопросами вроде «Когда вы двое поженитесь?». А ещё Козлов любил устраивать проверки любви к себе, что маме, разумеется, тоже не нравилось. Так что, когда они однажды встретились на пляже уже взрослыми — и стало известно, что жизнь у него сложилась не ахти как — мама напомнила ему о тех проверках и их бесполезности. Вот всё, что я знаю про этого Козлова.

Потом был велосипедист. Снова не знаю, как он появился, но он явно нравился маме больше предыдущих. Уже было заметно, что СССР на последнем издыхании и скоро откроются границы, и этот велосипедист — любитель дальних поездок на велосипеде — обещал отвезти маму в Европу, во Францию. Не знаю, насколько это было серьёзно, может, просто болтун.

При СССР граждан постоянно куда-то распределяли. То на те работы по распределению, то в армию, то ещё куда-то.

Вот перед началом института вновь набранных студентов отправляли на летние работы, никак не связанные с будущей профессией. Так мама и её будущие однокурсницы попали в Балаково — город в ста тридцати километрах от Саратова — чтобы то ли копать картошку в совхозах, то ли выполнять какие-то работы на территории строящейся там атомной станции. Такие отработки у них были не один раз.

Мама вспоминает, что жили они в этом Балаково в общежитии или даже в новом, но недостроенном доме без удобств — с ведром для ссання ночью.//// Хсл-сл нкю йлд ояопйэё-яюкэ онм йгрплът зеапэчдкфдя, змслоъв рпгйэйзоъ з лвпср зт онмёёаякжю, мл бнмгв мёхдам огпщджкмвл. \\\

В общем, она начала изучать архитектуру, и ей это нравилось.

В институте заимела подружек. Первой была Шурыгина. Еврейка: большой нос, без подбородка и уши летучей мыши. Второй была Рита Чёрная. Необычная фамилия такая. Эта Рита была немного пухлой, с не слишком длинными волосами, как я её помню из своих первых двух лет жизни, и с грубым голосом от сигарет. Она могла сесть в машину к какому-то незнакомцу и уехать с ним фиг знает куда. Такое поведение было неприемлемо для мамы, но они всё равно дружили.

Мама говорит, что получила комнату в общежитии. Отец Шурыгиной помогал там с лампочками, но мама осталась там на ночь только один раз: место кишело тараканами.

Мама рассказывала, как она и с однокурсницами работали над заданиями и проектами допоздна, и как это было интересно, и как она не хотела ехать домой. Кто-то то и дело предлагал ей остаться у себя на ночь в Саратове.

Однажды она возвращалась домой очень поздно, почти ночью. Не было возможности позвонить бабе Клаве. И общественного транспорта через мост уже не ходило. Она была красивая, и все всю жизнь ей помогали. На саратовской стороне находился пост ГАИ, и она пошла к ним, и они, не помню точно, то ли предложили отвезти её через мост, и она согласилась, то ли посадили на троллейбус, возвращавшийся пустым в депо Энгельса — то ли это были две разные ночи и случаи. А когда ехала, она посреди моста увиделась с бабой Клавой, ехавшей на такси из Энгельса её искать. Это показывает заботливое отношение бабы Клавы — несмотря на то, что дома всё равно следовали побои.

В другой раз, поздно вечером на перекрёстке улиц Московской и Чернышевского, она шла к автобусной остановке, когда, как обычно, какой-то извращенец прилип к ней, пока кто-то со второго этажа дома, мимо которого они проходили, не вылил на него ведро воды.

Баба Клава по-прежнему командовала, поэтому лето по-прежнему означало обязательные поездки на дачу.//// Анп б рн апвкю пкрхзипю ипрнмшз ойтфюи пдзптэйыкмвл мэпзижю ляб лэкнж. Бюцкши ннодкли кюфлвзппю агэйдзг лр айяялнам хмрог, ж мм зюйлз-пм мозфжмв — кндгс, яярнюсрла кг юцкл — а пмс ояе лэкд нпёцкпы жгпж лр ърнам хмрог псгэ овцйлк ё нблнж. Мм ляд пслонкш пюл яъиж ммкь р ннбпниттлюё, ё блр зюйлз-пм кюрёйыкжй пфяюсёй вд ё тдг еюбэйзи срвя. Мл йпм-пм монвёёэй йжлл мэ лэцзкг, ияз нкю нюрояещбэйя, з ге с кгвл нпязи. Пмс савеяи, э ьпмс хдимбви бмбгё вд моюйм бм бюцё, авд ияз аш нпхзпюк яяюс о гвннй жё сл, фрн ёяоряжкё дг збрз хднгж рязжд ядеояоптблтьв лэочнссш. Км бюёв дойз ннойд рнам ойтфюю яяюю Зйяюю ё нойяюжкэ фяюсзс я оиюмв гэхз, нкю ямрорякюбижбэйя яяиюмо гнсвёкз рпвяняюмёэлё зиж монорн рдигркшлэ мэияеюмёэлё. Пюл ееорйл ашйн. Лэкя хяорн арммлёляию ойтфююз, сёня инавя ммэ овобшз нюж пкрхяжлн пйэёяию «якёл», йлбгэ мэоюдюкэ еиит а хгрплябфяпъ игс, з яяюю Зйяюю яодеюкэ дж ол вряйй. Э йлбгэ лэкя ляфюкэ йнюрёрыоэ ё млпзпъ юмквг нюрзмбэлмрь ймклведлты нбгёбс, яяюю Зйяюю кюжшаяию вд «якъвэхия». \\\\

После отношений с велосипедистом у мамы начались новые — с преподавателем и экзаменатором в институте — дядей Серёжей, как я его звал.

Он приехал из Ростова-на-Дону. Он был армянином или полуармянином, потому что у него были почти серые глаза, и он не был темноволосым (скорее, у него вообще не было волос, по крайней мере в моё время). В детстве его бедная мать отправила его в детский дом. Это была обычная практика, как мама объясняла. Когда ребёнок вырастал и мог сам себя содержать, он возвращался домой. Он служил в армии. Отучился в каком-то известном Ростовском институте архитектуры, а потом переехал в Саратов с компанией других молодых архитекторов и теперь был уже вот в такой старшей должности в саратовском Политехе, с перспективным будущим. Он был почти в два раза старше мамы и уже имел семью — жену и пару дочерей, уже родившихся к тому времени, как я понимаю.

Отношения мамы с преподавателем в советское время были уже достаточно неприемлемым делом, но всех однокурсниц вокруг возмущало ещё и то, что мама была красивее их. Мамина внешность всегда давала ей преимущества, но также и конфликты с ровесниками повсюду. Сблизились мама с дядей Серёжей в ходе какого-то полунеформального мероприятия от института. Ей было, как я понимаю, около девятнадцати.

Во время учёбы в институте она снова ездила к родственникам в Латвию с подругой Ритой и теперь уже архитекторским взглядом оценила местные соборы, их всякие арки, замо-

щённые улицы. В моё детство она рассказывала, как они ходили в Рижский собор послушать орган, там были гробницы королей, готические своды и витражи, и внутри было холодно, как в склепе — чем этот собор и был. Она привезла домой наборы открыток, которые мы рассматривали вместе, когда я был совсем маленьким. Они с Ритой зарисовывали местную архитектуру, посещали парк — который, по сравнению с парками в Саратове и Энгельсе, был больше похож на лес — и она часто вспоминала, как, зайдя глубоко в этот парк, она наклонилась, чтобы сорвать огромный мухомор, и когда поднялась, прямо перед ней оказался настоящий лось — видимо, тоже за грибом, но опоздавший.

Они ездили там на электричке к морю — или к какой-то бухте — в город Юрмала, который был и знаменитым советским курортом, и местом музыкальных фестивалей, транслируемых по всей стране. Песок был незнакомого белесого или сероватого цвета, и, хотя было лето, было холодно, и никто не заходил в воду глубже колен. Родственники снова тепло приняли маму — но не Риту, которая вела себя слишком разнузданно для тамошнего строгого европейского менталитета. А ещё и в принципе было ощутимо местное презрение к русским.

Из Латвии мама привезла новинки одежды — джинсовые шорты или что-то такое. Говорит, была первой, кто носил такие вещи на улице Фрунзе.

Когда было лето или каникулы, у неё вообще было много поездок. Она рассказывала, как было обычным делом поехать в Москву только на два выходных дня, или как она однажды опаздывала на поезд, он уже тронулся, а она бежала за ним, и друзья кричали ей, и даже проводник кричал, чтобы запрыгивала в последний вагон — но она всё равно не угналась, ведь поезд набирает скорость, а бегущий — наоборот теряет. Она всегда хотела жить в Риге или Москве из-за воспоминаний.

Только большинство поездок, кажется, было с дядей Серёжей. У него была машина. Они не ездили на поездах — только на машине, и именно из поездок с ним мама помнила, как это — ехать в Москву на машине, и как это занимало всего шесть часов, тогда как на поезде — пятнадцать. В Москве я не знаю, что они делали, вероятно, он был по делам, а она просто была с ним. Они также ездили на юг страны — в Ростов и к морю, как я понял. Она всегда говорила: «Ой, где я только не была!».

Трудно понять, почему мама на него запала. Ни в моё время, ни тогда, как говорит мама, у него не было той типичной харизмы мачо или чувства юмора, столь важного для мамы (мой отец-то её привлёк именно этим). В моём детстве она часто, возвращаясь после часов, проведённых с дядей Серёжей, говорила мне: «Ой, как скучно с ним». У него были выпученные глаза и усы, он напоминал мне моржа, и в моё время между мамой и мной его лицо было предметом смеха.

Может, молчаливостью и отсутствием юмора он напоминал маме её собственного отца, к которому она, видимо, всегда испытывала сочувствие, но не могла его выразить. И оба были значительно старше её, в какой-то мере подкаблучные (дед, конечно, гораздо больше), и в то же время недоступные: дед — из-за той же замкнутости, а дядя Серёжа — потому что уже был семьянином и не мог обещать маме ничего больше любовничества.

А ещё дядя Серёжа был ревнив, обидчив, его гордость была уязвима, и он, по рассказам мамы, очень сильно в этом плане чудил. Доходило, по её рассказам, даже до шантажа: что он мог добиться её отчисления, если она не будет ему верна. Рассказывает, что, когда она пропадала по состоянию здоровья, он через свои связи искал подтверждение её словам, правда ли она вызывала скорую и всё в таком духе. Даже в моё время он продолжал быть вспыльчивым — мог высадить маму из машины и уехать, и они потом какое-то время не общались.

В общем, от него мама забеременела. Когда она сообщила об этом бабе Клаве, это повлекло скандал, и баба Клава выставила её из дома. Но не серьёзно, конечно, а ради драма-

тичности. Баба любила такое. В ответ мама заявила, что сохранит ребёнка. Так это было, как я понял.

Рожать, конечно, было неразумно, и мама сделала аборт.

Небольшая заметка о фразе «не серьёзно». Это одна из базовых психологических черт в нашей семье (и со стороны мамы, и частично со стороны отца): никто никогда не серьёзен, когда угрожает. Так что, когда кто-то угрожает повеситься, он на самом деле этого не имеет в виду, а тот, кому угрожают, хотя и понимает, что это игра, предпочитает вести себя так, будто угроза серьёзна — чтобы потом, уступив угрожавшему, иметь возможность свалить будущие несчастья на то, что его загнали в такие обстоятельства теми угрозами.

Всё это очень тонко и может показаться извращённым — и так оно и есть, — но с опытом я понял, что самые извращённые вещи в нашей семье происходили тогда, когда кто-то выходил из этой игры и принимал угрозы всерьёз. В моей истории будет немало примеров этого.

Я сознательно использовал понятие «угроза», а не «блеф», потому что все контексты, что я с ним находил, подразумевали, что блефующий преследует какую-то конкретную, практическую цель.

В наших типичных ситуациях, когда мы угрожаем, мы не так — мы скорее тестируем качество отношений между собой, и это работает в обе стороны: если мы угрожаем что-то сделать себе, тестируем, заботятся ли о нас; если угрожаем им, проверяем, верят ли они, что мы способны причинить вред им; если угрожаем третьей стороне, дорогой для угрожаемого, проверяем его веру в то, что мы не способны на вред тем людям — и так далее.

Мама рассказывала, что на каких-то там выпускных экзаменах она была абсолютно тупой, и дядя Серёжа буквально отвечал за неё.

Он сам продвигался по карьерной лестнице и уже тогда занял пост главного архитектора Энгельса — в администрации города. Он помог маме устроиться туда на работу, где она сразу после института работала среди важных людей — что вызывало у многих недовольство, но никто не выступал, видя, кто её покровитель.

Вот в те годы два жителя Фрунзы ушли из жизни. Юра, сын уже умершего брата бабы Клавы, погиб, служа в армии. Никто так и не узнал, что произошло. Он служил в далёкой части страны и был бунтарём в молодости, говорит мама — хотя это всегда было, как говорится, «за правильное дело», то есть против несправедливости. Возможно, это как-то связано с его концом. Его брат Валера даже ездил туда, где он служил, чтобы разобраться, но, вроде, был остановлен всей этой армейской секретностью. Вроде бы, Юра застрелился.

БабКлава вспоминала: «Как твоя мама плакала, когда пришла сюда и увидела венки и всё прочее — выбежала из дома и сидела, рыдая на лавочке».

Потом баба Шура отмучилась. Я никого из тех трёх умерших не видел — даже на фотографиях.

Перед смертью бабе Шуре — владелице всего родового дома на Фрунзе — нужно было завещать кому-то дом. Тётя Люся с Валерой, вроде бы, жили уже в отдельной двухкомнатной квартире в соседнем районе дальше на окраине Энгельса. Мама рассказывает, что сначала баба Шура завещала дом бабе Клаве и тётё Люсе зачем-то напополам. Но потом с низа улицы пришла здравомыслящая соседка с фамилией Ильина и вразумила неграмотную, и всё досталось бабе Клаве. Но тётя Люся-то за счёт брака с дядей Толей тоже имела отношение к дому, и поэтому было решено выплатить ей с Валерой какие-то деньги. А тут сразу пришли все те кризисы в стране, и они обнулили сбережения всех — включая ту выплаченную долю, а также ещё то, что баба с дедом копили на машину.

Вот, видимо, эта вся фигня — и, вероятно, другие события — разругали тётю Люсю с моей бабой Клавой. И аж уже во времена, когда я это пишу, Валера до сих пор, пользуясь

извечным разладом между моей мамой и бабой Клавой, ошивается там на Фрунзе со своими сыновьями, ожидая увядания нашей бабы Клавы, что откроет новые наследственные возможности.

Тем временем была у мамы одна знакомая, имя которой я не помню — но я всегда помнил, где она жила: недалеко от входа в Саратовский городской парк, на пересечении улицы Рахова и Новоузенской, там панельная десятиэтажка.

Когда мама рассказывала о ней, она всегда представлялась мне из тех женщин (и, может, вымышленных, потому что я никогда не встречал таких, кроме как в сказках), чьё главное занятие — сватовство, устраивание и регулирование чужой личной жизни.

И именно она познакомила маму с тогда популярным среди молодых женщин после падения Железного занавеса способом устроить свою жизнь, известным как «интер-гёрл» — то есть найти и выйти замуж за мужчину из-за границы (ничего такого в моей истории никогда не будет, я просто вспоминаю всё, что могу).

И именно у неё мама познакомилась с отцом.

Это был чей-то день рождения: либо этой маминой знакомой, либо её мужа. Я не знаю подробностей с того дня рождения и того, как они там познакомились, но знаю подробности другой квартирной пьянки-гулянки, которая, как я понимаю, была довольно скоро после этой первой, и на которой меня и зачали по глупости.

Но сначала, конечно, — про отца.

...

\_\_\_ Часть 2.

....

>>> Предыстория по линии отца и мой допамятный первый год.

.....

Нужно отметить, что во всём тексте моей автобиографии я буду называть отца отцом, хотя в реальности в детстве называл его папой. Причины относятся к главным темам моей детской истории и особенно к её концу — там всё должно быть понятно, и я, поэтому, сейчас не стану тратить время на объяснения.

Мама моего отца, Валентина, которую я буду называть баба Валя, была, насколько я помню, двенадцатой и самой младшей в семье. Её семья, как я понимаю, была не такой уж нищей, как изначально семья моей прабабушки по материнской линии. Как рассказывал отец, они были связаны с чем-то типа торговли и жили почти в центре Саратова со всеми его возможностями (эта тема «центр или окраина» — тоже один из моих стереотипов, привитых отцом). Ничего близкого к меркантильности или хоть финансовой грамотности, тем не менее, у бабВали не было; у неё совершенно отсутствовало, например, желание откладывать деньги, что в итоге привело её и моего отца к довольно дурацкой жизни вдвоём в однокомнатной квартире.

Баба Валя окончила только обязательную начальную школу. Возможно, она слишком была занята домашними делами — будучи самой младшей и последней, кто должен был получать образование, всегда обслуживая более занятых первых — и это определило всё её дальнейшее призвание. Её семья жила в отдельном доме где-то возле Сенного рынка, который был главным базаром города, с тысячей прилавков всякого рода. До университета (далее я могу называть его «ЭС Гэ У») по Астраханской улице там идти минут десять, а также там рядом главный железнодорожный вокзал Саратова. Хотя я был в том доме пару раз, точно не могу вспомнить, где именно он находится.



Жизнь в этой части города, около рынков и всего прочего, означала — это вот очередной стереотип, — что вряд ли они были людьми культурными или что их занятия имели отношение к интеллекту. Хотя эС Гэ У был рядом, центр Саратова, тем не менее, и место проживания городской интеллигенции ассоциировались с районами около главной площади и дальше вниз к Волге, особенно вокруг парка «Липки». А люди, жившие в районе Сенного рынка, больше занимались торговлей, ремонтом и автомобильными услугами. Таков вот мой стереотип, основанный в основном на рассказах отца, который на эту тему был одержим. Баба Валя в молодости даже ходила в школу вождения мотоциклов и получила официальные права. Стали бы дети интеллигентов осваивать мотоциклы — или, скорее, пошли бы на какие-нибудь курсы в консерваторию? Вот я про что. Плавать баба Валя никогда не умела — что, я думаю, говорит о том, что её семья нечасто проводила выходные на Волге или на пляжах.

Она была очень разговорчивой и рассказывала много историй из своей жизни, но я почти ничего не помню — когда я был ребёнком, они казались мне недостаточно захватывающими, чтобы их запомнить, а в поздней юности, когда я жил у неё, я её вообще не слушал, только кивал, полностью погружённый в свои собственные проблемы и мысли.

Как я знаю, почти все её братья и сёстры разъехались по СССР — некоторые даже в Латвию, кто-то другой обосновался возле Санкт-Петербурга — и баба Валя побывала в обоих местах. Однажды она рассказала о какой-то платонической связи с каким-то парнем во время визита в Санкт-Петербург. Я едва слушал, когда она это рассказывала.//// Лн э ойтхук п ёлсводмл, йлбгэ б кнгк бгсорбв, игс а бгръры, нкю нюрояещбэйя м ёёбнюшвлхв. Лля пслэкэ б юбпмарпд ж кюцэйя мшрчягъ, хсл цпм-пм поеппю м вд онзкс ёйз эвлвзуш, ммэ нюпкскэпы, з ысл цпм-пм — авйняюслг, ияз нкю ящпээзиюрщ — ннмюкл мэ дг нбгёбс лр йсёфжмш, орнь-ачвбн оубмл, з ммэ бшцкэ зе яярнюсрэ. Вэ ющкл лвожзм.

А ймдж экмрпж, инавэ э фюрпм вд кюбвчэи, вэ кояжклпы бнямпёры м йсёфжмэу ё н пблдл йэюбкмл едиюмёж «яъпъ о йэизй-мёятбъ орянжцзмл» («псэозфинй», ннпмлр цпм лля пяйю ющкэ тдг я блёпэпсв) — р инпмпшк ймёкм ющкл вланнжсш, джсш бйгрпг, вдиюсш лэпрэе бота гнсвр, бюёв бйгрпг мозкжлэры аяклт. Мл ашйн ёяйгскм, хсл св мэнябгмёэ ёёбнюшвлхва ммбижюиж кю кге, з рдйю огйюю р мвд ющкэ онмаиглкюю. \\\

В Саратове был большой авиационный завод, стратегически важный, вокруг которого образовался целый жилой район под названием Заводской — из пяти- и десятиэтажных сталинок, хрущёвок и панелек. Он находился на юге вытянутого вдоль Волги Саратова. В тот район вели только две дороги — ниже и выше железных путей (ещё выше уже были горы) — примерно семь километров от центра. Вот Баба Валя как-то устроилась на работу в тот завод. Ей приходилось ежедневно ездить из дома, насколько я понимаю, пока она не получит двухкомнатную квартиру в том Заводском, когда моему отцу было около двадцати-двух. Не знаю с какого момента, но позже и до конца она работала в профилактории, относящемся к заводу; делала там всё, что могла — от приготовления пищи и уборки бассейна до приёма советских шишек, приезжавших проверять работу завода, — и была там тамадой и развлекателем.

«Товарищи» со всего СССР съезжались на работу на этот завод, один из которых — как я понимаю — вот и был мой дед по отцу — из Украины, из города недалеко от Одессы. Я пишу «как я понимаю», потому что точно не знаю, зачем он здесь был, но судя по тому, что он жил — как однажды баба Валя рассказала — в большом доме рядом с заводом, значит, работал здесь, поскольку почти все жители окрестных домов состояли из работников завода.

Они не поженились. Наверное, могли бы, но по рассказу бабы Вали, этот мой дед однажды вечером, услышав, что его знакомый с кем-то ссорится, взял в руки какой-то металлический предмет и пошёл за него заступиться, а по прибытию на место его по ошибке — как она говорила — арестовала милиция, и он отсидел несколько лет, после чего по какой-то причине вос-

соединяться с бабой Вале́й не стал и вернулся в Украину. Он писал ей оттуда, чтобы она приехала с сыном — но они не поехали.

Когда моему отцу было несколько лет, у бабы Вали была связь ещё с одним, и родилась Лариса — родная сестра отца. Но этот второй мужчина был какой-то совсем мутный — баба Валя о нём даже не рассказывала, а моя мама узнала от кого-то, что он был чуть ли не убийцей и тоже попал в тюрьму.

О детстве отца я помню мало, хотя он, как и баба Валя, рассказывал много, и в нашей семье его считают красноречивым и интересным рассказчиком. Это правда, и я слушал его истории с интересом, полные насмешек и юмористических деталей — но его прошлое само по себе никогда не интересовало меня так, как мамино. В его прошлом, похоже, не было страданий. Хоть и по натуре он невротик с множеством фобий, когда он рассказывает истории, он, тем не менее, всегда оптимистичен и беззаботен, и даже когда говорит о серьёзных вещах — тюрьмах, войне или подобном — это не отражается на его настроении. Более того, он любит СССР в целом, образ жизни — об этом я ещё скажу много раз, — тогда как я всегда ненавидел уродливое серое советское прошлое и мне приходилось терпеть рассказы о нём.

В общем, их было трое: баба Валя, отец и Лариса. Отец рассказывал, как возил маленькую Ларису в школу на велосипеде. Баба Валя была снисходительна и никогда не кричала на него, хотя домашние обязанности распределялись между тремя, и все они были трудными. У них в доме был график — кто, что и когда должен делать. Был какой-то взрослый родственник, о котором я много слышал — может быть, один из братьев бабы Вали (для меня все эти детали никогда не имели значения) — который жил неподалёку, был автомобильным энтузиастом, имел гараж и инструменты для ремонта. И некоторое время, насколько я помню историю, у него была машина американского производства, или что-то вроде того. Или у него был друг с такой машиной. Или он просто однажды видел такую машину вживую — что тоже могло сделать его местной легендой. Он был единственным мужчиной, который появлялся в детских историях отца и действительно на него повлиял. Немного в отце от типичного мужчины, который любит машины и всё такое — а именно, его обожание мужчин, у которых есть собственные гаражи и которые имеют дело с классическими машинами (я говорю «обожание», потому что у отца самого никогда не было ни одного такого предмета — он просто бесконечно говорил о том, как хотел бы иметь гараж, как бы он сделал, как он должен, как он мог бы...) — было привито этим дядей.

Отец умел и любил паять радиоприёмники в юности, любил советские журналы с конструкциями кораблей и техники, как большинство пацанов его времени, любил фильмы про индейцев — которые тогда были только производства западных республик СССР. С подростковых лет, говорит, он смотрел футбол и биатлон по телевизору, хотя сам никогда этими видами спорта не занимался.

В других отношениях он всегда жил среди женщин, общался с ними и находился под их влиянием. Я буду ещё много раз описывать бабу Валу, но пока достаточно сказать, что она была чрезмерно опекающей и потакающей. И, вкупе с тем, каким немужским он стал во взрослости, думаю, кто-нибудь, мыслящий такими обобщающими терминами, справедливо предположил бы, что в детстве отец был, хоть и не забитым, но маменькиным сынком. СССР — судя по тому, за что он его любит — тоже был для него как сверхзаботливая мать.

Он закончил все одиннадцать классов, то есть среднюю школу, но по какой-то причине не пошёл в университет, так что ему пришлось служить в армии обязательные в то время два года. Я спрашивал его, почему он не пытался уклониться, как большинство парней в моё время. Он сказал, что мужчины тогда так не делали. Ещё существовал послевоенный героизм и чувство

национальной воинской гордости. Служба в армии считалась долгом — хотя, как я понимаю, уже тогда было возможно её избежать, как сейчас, поступив в высшее учебное заведение.

Он рассказал мне, как его направляли. Это была своего рода лотерея. Призывники стояли в гурьбой перед военными офицерами, которые произносили их имена и распределяли их по группам. Между призывниками кто-то пустил слух, что следующая группа будет отправлена в Прибалтику — коллективное название более развитых западных советских республик (Латвия, Эстония, Литва) — куда все хотели попасть. Так отец, напросившись в ту группу, стал одним из дураков, хотя не понял этого, пока из окна поезда, в котором он ехал на третьей багажной полке несколько суток — не увидел в степях верблюдов.

В Узбекистане его изначально определили в охрану мужской тюрьмы. Вскоре там был случай, когда группу охранников, и его в том числе, отправили разрешить какой-то инцидент с бывалым заключённым, который восстал, — и этот заключённый, под дулом их автоматов, в театральной манере достал изо рта лезвие и порезал себя. Это он мне рассказывал. Как я думаю, это из-за таких случаев и увиденного у отца развилась пожизненная фобия милиции, тюрем и преступников. Остаток двухлетней службы он служил в женской тюрьме. Он рассказывал истории о своём времени там, которые интересовали меня только тревожным аспектом потери двух лет жизни.

Он не припоминал случаев дедовщины. Вместо этого он рассказывал, как ел огромные ягоды тутовника, которые росли там в изобилии, как посещал местные восточные базары, и ещё про один случай, когда его сослуживец пошёл в гражданский город с оружием, задержался (что было запрещено) и вызвал переполох в их части. Были ещё сослуживцы из тех же азиатских республик, которые хвалились рекой в своём родном городе — узкой и по колено — и тогда отец рассказывал им про Волгу, шириной в километры, и они поражались. Два года службы в тюрьме сформировали у отца, кроме фобии тюрем, ещё и лёгкий интерес к ним — в моё время, переключая телеканалы, он порой задерживался на фильмах по этой теме.

Так что, ничего особенного в его службе в армии, кажется, не было — кроме первого шока.

После армии он всё ещё не знал, чем заняться в жизни. Он сформировался человеком без конкретных целей и увлечений. У него не было наставника, кроме одного дяди, и других влияний, которые могли бы его поставить на какой-то путь. При этом он не пережил драму отцовства или другие реальные трагедии в детстве, поэтому не был психически травмирован. Если бы был, возможно, возникшая оцепенелость позволила бы ему довольствоваться скучной жизнью, работая на каком-то заводе до смерти. Вместо этого он сформировался романтиком — только бесполезным, не обученным в тех областях, где романтичность могла бы пригодиться. Он читал книги с детства, но больше тяготел к фильмам и их производству. А в Саратове не было места, где можно было получить образование, связанное с кино.

Так что он пошёл в университет. ЭС Гэ У, рядом с их домом у Сенного. Сначала поступил на географический факультет — ожидая будущего с путешествиями, экспедициями и приключениями. На деле он, вероятно, навсегда остался бы работать в каком-то скучном госоргане, возясь с документами и картами — или, в лучшем случае, время от времени ездил бы в Сибирь разведывать места, где позже олигархи добывали бы нефть и обогащались. Так он сам говорил. Через полгода он это понял, перешёл на журналистику, а увидев там такие же скучные перспективы, полностью бросил университет и устроился в обслуживающий персонал местной саратовской документальной киностудии — где всё сразу было интересно, и без четырёх лет учёбы. Эта киностудия была в другом конце Московской улицы — рядом с пересечением с Октябрьской.

Обслуживающий персонал работал в разных городах СССР, снимая документальные фильмы, и отец даже хвастается, что видел какую-то советскую кинозвезду вживую. Он также

работал в самой низкой должности в саратовском театральном колледже, где жал руку Евгению Миронову, который станет одним из самых известных актёров России.

Я помню некоторые истории, которые он рассказывал о тех годах. Почти всегда это были истории о невезении — настолько, что, слушая их снова и снова в детстве, я сложил о нём образ неудачника.

Однажды, катаясь на водных лыжах за лодкой, он упал в воду и с него сорвало плавки.

Однажды зимой, поднимаясь по скользкой улице в центре Саратова, он увидел двоих детей впереди. Девочка упала и начала скатываться вниз — отец поймал её, а это оказалось карлица, а другой «ребёнок» — её муж, и выглядел он возмущённым.

Ещё однажды, будучи студентом-журналистом, он был отправлен осветить деятельность какого-то завода или фермы на окраине Саратова. Накануне кто-то — вероятно, Нина Фёдоровна (о которой я упомяну позже) — подарила ему редкую пару чешских кожаных туфель (трудно было достать в Саратове в те времена). Надев их в поездку, он там зашёл на той ферме в какой-то гараж — и встал в этих ботинках прям по щиколотку в масло.

Однажды он был на одном квартирном сборище, и там был парень около тридцати, который впечатлял всех энциклопедическими знаниями, дословно цитируя статьи. Мой отец, обладая более художественным складом ума, не любил это, и сказал ему, что у него нет собственного мнения, он просто цитирует энциклопедии. Не сумев вызвать из памяти подходящую энциклопедическую статью для ответа, энциклопедист заехал отцу в лицо кулаком.

На другой квартирной тусовке кому-то нужно было покакать, но туалет был закрыт. Он зашёл в тёмную пустую комнату, залез на подоконник, выставил задницу в окно — а кто-то вдруг вошёл в комнату, включил свет и увидел двух опарашенных влюблённых на диване и парня, срущего с подоконника. Это было не с отцом, и я даже не помню, был ли он на той тусовке — но он рассказывал об этом, и пусть это останется здесь в тему неудач. По крайней мере, это всё показывает, что отец ходил на квартирные сборища или знал людей, которые ходили, так что он не был социальным аутсайдером.

В целом, я знаю или помню мало о тех его годах, и мама тоже.//// Ммэ рфжсэгс, цпм лл ющк лянинийюмлк я слр мпгпёмг. Ю гвл олонж гнюжкжк: «Пщ дг кюбвомлг кюпзмлэлзи б рд бнбщ?». Ё нк б цтпит мсягцэй: «Гэ, змвхмл, ожгвй ммг смёряемл ж змклйрь. \\\\Чем мне было ещё заняться?». Ближе к времени коррекции орфографии этого текста мама, суммируя все воспоминания, доходила до того, что допускала, что он в те годы сидел в тюрьме, был там опущен, и она обречённо сетовала на то, что просто вляпалась.

Что касается его сексуальной жизни, он однажды рассказал мне, когда мне было около девятнадцати, что после армии, когда ему было двадцать, один приятель пригласил его на студенческий кутёж в общежитии, где было полно глупых деревенских девушек, и там он потерял девственность. Для отца это не имело последствий, а вот девушка его приятеля забеременела, и он вынужден был на ней жениться — и они до сих пор жили вместе какую-то уродскую жизнь и поддерживали контакт с отцом на тот момент, когда он мне это рассказывал.

Мама говорит, что слышала сплетни о том, что до неё у него был роман с женщиной, которой пришлось сделать аборт.

Я не могу представить, чтобы его кто-то любил. Для меня он всегда казался классическим «френдзонщиком» — хотя на его юношеских фото он выглядит уверенным в себе и презентабельным. А также, мне он всегда казался человеком со слабым сексуальным влечением. Я опишу эту его сторону позже.

У бабВали была знакомая, её ровесница, по имени Нина Фёдоровна. Эта Нина Фёдоровна увидела, что отец теряет время и не имеет карьерных перспектив без высшего образования. Она убедила его снова пойти в университет, что он и сделал. На этот раз он выбрал филологи-

ческий факультет русской литературы. Поехать в Москву или Санкт-Петербург, чтобы поступить там во что-то, связанное с тем, что ему было действительно интересно — кино, — по каким-то причинам было немыслимо. Я, конечно, всю жизнь был уверен, по каким, но ближе к тридцати стал понимать, что не всё всегда так просто.

Так что в то время он учился на третьем курсе из четырёх, и ему было двадцать четыре или двадцать пять лет, когда на том дне рождения он встретил маму, старше его на год. Затем, вскоре, как я уже сказал, была ещё одна квартирная гулянка, на которую они пошли вместе.

Этот квартирник был в честь очередного чьего-то дня рождения — отцовского знакомого, насколько я понимаю, — и проходил в какой-то квартире в доме на западной окраине Саратова. Начиная от Сенного рынка, в Саратове тянется ряд районов под названиями «Дачная номер...» с номерами до десяти для самого дальнего, и это была Девятая Дачная, как я помню. Это очень угрюмые спальные районы с хрущёвками.

Мама говорит, что они там напились, что для неё было крайне нетипично, и её там рвало, и это было ужасно. Она рассказывала, что, когда они там с отцом еблись, она просила его вынуть, но он не стал, а ей в итоге было и пофигу — настолько была пьяная. Так что всё произошло абсолютно глупо: ни их высшее образование, ни пуританское воспитание мамы не помогли.

Рано утром они уже были на остановке у цирка и Крытого рынка — одно из самых оживлённых мест города — ожидая автобус до Заводского. Отцу было так заебись, что он лёг прямо на асфальт на автобусной остановке. Это была одна из его типичных театральностей, говорит мама. Тогда её это всё веселило.

Они ехали в Заводской, уже в двухкомнатную на Пензенской улице, которую баба Валя недавно получила за работу на заводе, и где, после отхода бабВалиного родового дома — возможно, после смерти того дяди-автолюбителя — каким-то её родственникам, они — баба Валя, отец и Лариса (ей было двадцать) — теперь и жили втроём.

Мама часто рассказывала, каким странным ей это воспринималось, что отец, которому приходилось ежедневно ездить в центр в университет (где, кстати, он был почти единственным парнем в группе), и который при этом вроде как ненавидел жить в квартирах, и особенно в пролетарских районах, вообще не пытался, тем не менее, съехать от своих женщин в отдельное жильё.

Но тогда маме было лишь бы вырваться из своей жизни со своими родителями, в особенности с бабой Клавой, которая, после того как перестала её бить (после того как мама долбанула её в обратную где-то в студенческие годы), всё равно продолжала её морально угнетать. Они до сих пор жили на Льва Кассиля, а дом на Фрунзе сдавался студенткам.

Также по какой-то роковой причине мама временно не поддерживала связи с Дядей Серёжей в то время. Может, не похвалила его за какую-нибудь спроектированную им пристройку — и он обиделся, или, может, ей просто самой надоела его детская обидчивость, и она перекрылась.

В общем, все обстоятельства были благосклонны к тому, чтобы маме связаться с отцовской стороной (так правильнее выражаться, чем «с отцом»). Домашняя атмосфера в Заводском была полной противоположностью тому, к чему она привыкла. Здесь все шутили, ни у кого не болела голова, никто не устраивал скандалов и истерик. Это вот той всей хероте, от которой маме хотелось сбежать, я и обязан своим существованием. А иначе мама повстречалась бы с отцом ещё чуть-чуть, увидела всю его нестандартность, сделала бы аборт — и на этом история бы закончилась. Она сама так и говорила.

Мама часто вспоминала, как спросила отца по поводу беременности, стоит ли меня оставлять, на что он решительно ответил «Да» (я всегда представляю его отвечающим это, лёжа на

асфальте на той автобусной остановке возле цирка). И она посчитала, что он, как мужчина, будет ответственен за это решение.

Вообще, я не знаю точно, переехала ли мама к ним сразу после событий на Девятой Дачной или позже, после свадьбы. Мама рассказывала, что баба Клава приехала на свадьбу с постельным бельём и вещами для неё из дома — предполагая, что в квартире в Заводском белья может не быть.

Свадьбу провели в ста метрах от квартиры, прямо в том профилактории, где работала баба Валя. Баба Валя вела мероприятие. Свадебное платье не покупалось: мама была во всём простом. Но конкретно это — не показатель того, что отец не мог позволить себе купить ей платье (хотя у него действительно вряд ли были бы деньги). Дело скорее в том, что мама никогда не была до конца как большинство женщин — она никогда не любила детей, кукол и всё такое — поэтому, возможно, и платье не захотела сама.

Гости были, как на обычной свадьбе. Присутствовала подруга мамы Шурыгина, а также Рита, и одна из них была свидетельницей на свадьбе. Насколько я понял, Иван, который позже стал мужем Ларисы, впервые появился и познакомился с Ларисой там. Мама рассказывала, что пыталась познакомить страшную Шурыгину с кем-то — по-моему, с тем же Иваном — но всё было бесполезно. Я бывал в этом профилактории в раннем детстве (и я, кстати, произносил «профилактория» — в женском роде) — там был обеденный зал как в ресторанах и пара бассейнов, и номера для гостей с кроватями — так что думаю, мероприятие выглядело прилично. Свадьбу снял на видео один мамин знакомый из соседнего дома в Энгельсе, и видеокассета была у нас дома в моём детстве, но мне никогда не было интересно её посмотреть. Я помню, что глянул только несколько секунд — и всё.

Теперь у мамы было своё постельное бельё, и она стала жить постоянно у бабы Вали.

Летом девяносто второго, или уже девяносто третьего, при мне, мама с отцом ездили с кем-то на турбазу. Подробностей я не знаю — это просто чтобы составить представление о том, какой у них был досуг и путешествия. Никаких там не было даже поездок в другие города. А турбазы — это просто такие маленькие скопления примитивных гостевых домиков, с лягушками в комнатах и удобствами на улице — обычно на островах, которых тысячи по всей Волге. Мама рассказывала, что эти острова и турбазы — прибежище для скрывающихся преступников, а уж тем более в девяностые так было.

Лариса начала встречаться с Иваном. Этот Иван переехал из Ульяновска, Ульяновской области, что выше по Волге, и жил в центре Саратова на улице Киселёва, рядом с улицей Чапаева, Цирком и упомянутым Крытым рынком. Всё это — самый центр города.

Мама помнит, что на столе у бабы Вали никогда не было мяса — но как только Иван собирался прийти, мясо тут же появлялось, потому что Иван не привык к бедности. В двухкомнатной квартире никогда не было горячей воды, и баба Валя бегала между кухней и ванной с ведрами кипятка.

Деньги на жизнь молодой семье в значительной части давала баба Клава из Энгельса. Брала их баба Валя, и мама говорит, что даже не интересовалась, на что они тратятся. Ей самой было «не до всего». Ей всегда было «не до всего». Про отца она рассказывает — и это легко представить — что он пролёживал на диване, читал книги, ходил в университет и развлекал трёх сожительниц по вечерам разговорами. Она часто вспоминала, как он говорил: «Хочу, чтоб мне платили деньги за то, что читаю книги».

Когда Иван приходил трахать Ларису, отец с мамой — и со мной внутри неё — перемещались с постелью из спальни в зал. Баба Валя спала на кухне, наверное.

Ларисе было около двадцати, как я сказал, и у неё не было образования, кроме начальной школы — и, вроде, она так никогда нигде больше и не училась. Мама рассказывает, что она ходила на вечеринки, возвращалась пьяная, и её рвало. Если у отца был наставник в лице того дяди, то у Ларисы вообще не было никакого наставника, кроме бабы Вали — а она не могла развить ничего интеллектуального или практического. Баба Валя всегда выдавала себя за прилежно воспитанную, культурную, чуть ли не знающую аристократический этикет — ведь работала в гостинице и имела дело с важными людьми — и всегда была скромной, и всё такое. Всё так, да, но у неё кроме этого больше ничего не было. А все эти правила застольного поведения, вся эта тема Джека Доусона, приглашённого на ужин в первый класс, — надолго в жизни не продвигает. Просто форма, просто обёртка. Отец тоже заразился этой глупой верой — он всегда читал лекции о манерах и джентльменской этике, рассказывал, сколько писателей никогда не сели бы работать, если бы не были одеты как джентльмены. В итоге и баба Валя, и он — в дерьме.

Мама говорит, что потеряла весь романтический интерес к отцу в первые месяцы. Баба Валя была везде и всё время. Она — пример супернадоедливой и навязчивой женщины. Как будто недостаточно было того, что отец с мамой — отдельная семья и должны жить отдельно — она врывалась к ним в спальню по утрам под предлогом открыть окно, проветрить, сновала по комнате, клала им что-нибудь на столик — какой-нибудь небольшой перекус — просто чтобы хоть как-то отметить и не быть забытой. Отец наслаждался такой жизнью. Мама говорит, что ей казалось, что она вышла замуж за бабу Валью. И, как я уже говорил, мне кажется, у отца было естественно слабое либидо.

Мама начинала всё это невыносить, но теперь сосредоточилась главным образом на своей беременности и предстоящих родах, которые были уже близки.

Ну, конечно, отец не был совсем уж прям никудышным. В какой-то момент во время беременности маме стало плохо, и ей нужно было в больницу, но по какой-то причине других вариантов не было, и отец понёс её на руках весь путь от их дома на Пензенской улице, двадцать пять, до автобусной остановки — что было либо около двухсот метров, если остановка была на Пензенской, либо все семьсот, если на проспекте Энтузиастов. Мама говорит, что весила тогда около шестидесяти килограммов.

На пересечении Московской и Соборной есть кирпичный дом — раньше это был роддом — вот там я и родился третьего марта девяносто третьего. Кесарево сечение. Когда мы с мамой в моём детстве сидели на приёме у врачей в поликлинике, она не раз рассказывала им какую-то историю о том, что меня как-то там не так тянули — что-то про щипцы — и вдруг что-то повредили. Она даже произносила какой-то диагноз. Но врачи не видели ни признаков, ни следов ничего подобного.

После операции, когда она пришла в себя, ей меня какое-то время не давали — насколько я помню, чуть ли не пару дней. Я не знаю причину, но так практиковалось. Детей не отдавали матерям сразу, как это обычно показывают в фильмах.

Также, в отличие от фильмов — современных фильмов — обычно отцы не допускались в роддом.

Когда маме наконец дали ребёнка, это был не я. Медсёстры перепутали детей и дали ей чужого. Если бы не его тёмные глаза, я, вероятно, не писал бы всего этого сейчас. Короче говоря, всё было абсурдно и типично по-советски.

Через несколько дней мама вернулась домой в Заводской со мной — пятым жильцом квартиры.

Первая какашка после двух недель заживления шва у мамы была толщиной с руку, она рассказывала. В моём детстве, когда она мне это рассказывала, я не верил, что такая толщина может пройти.

Я начал включать мелкие (а иногда довольно крупные) детали непристойного характера, от которых не уйти при психологическом самоисследовании, и которые, следовательно, будут обильны в моей автобиографии, так как я хочу дать полный отчёт о том, что помню — особенно о том, что повлияло на меня или впечатлило.

Меня называли Никита. Хотя это имя и произошло от какого-то греческого корня, в итоге оно почему-то не имеет аналогов в западноевропейских языках (Николас и Ник — это Николай. А французско-канадская Никита — женское), и из всей информации, что я находил я в юности вывел, что Никита в качестве мужского — исключительно православно-русское имя. Ну, это просто заметка в духе той, что про мордовские корни в начале. Я ненавидел своё имя в детстве — за восприятие его женским, а с юности стал ненавидеть ещё и за нетранслируемость в английский.

Про значение моей фамилии — где-нибудь позже. Отцу она досталась от бабы Вали, которая никогда не была замужем и, следовательно, не меняла фамилию. Мама тоже стала Капернаумовой через брак; прежде она была Богомазова (что означает «тот, кто пишет иконы маслом»).

Однажды, идя из поликлиники со мной, мама с отцом встретили того, чью фамилию я должен был носить. Точнее, он их увидел и подошёл. Отец тогда поспешно взял маму за локоть и повёл прочь, несмотря на то, что этот мой дед крикнул им что-то дружелюбное, вспоминает мама. Он, значит жил в Саратове аж до того времени, а уже потом уехал в свой Джанкой, откуда он писал и приглашал бабВалю с отцом, но они не поехали.

Возраст моих основных близких на момент моего рождения: мама — двадцать шесть, отец — двадцать пять, баба Клава — пятьдесят пять, деда Вова — пятьдесят три, баба Валя — сорок шесть, тётя Лариса — двадцать один.

Баба Валя, отец и Лариса всегда что-то скрывали от мамы. Они не объясняли, в чём дело с этим отцом отца, или, например, не говорили маме, что баба Валя получила вторую квартиру — однокомнатную — в доме, который тогда достраивался неподалёку.

И не только от мамы они были скрытными и утаивающими. Как можно понять, семья отца, в которой главной была баба Валя, была глуповатой, а потому и суеверной. В первые недели моей жизни, мама рассказывает, они не пускали в квартиру чужих людей и не давали никому меня видеть, чтобы от чего-то там уберечь. Была женщина по имени Зинаида Фёдоровна, которую я тогда не помню и больше в жизни никогда не видел, и которая, я думаю, больше не появится в этой истории, но которая тогда была очень близка с бабой Валею, судя по рассказам. Какая-то ясновидящая и крайне суеверная — вот именно она наставляла бабу Валю во всех таких делах и, думаю, ответственна за большую часть её дури.

Всё это было странно для трезвомыслящей мамы, но она пока особо не придавала этому значения.

Однажды, она говорит, ей нужно было избавиться от лишнего молока, и отец пососал грудь, а потом сказал, что чуть не стошнило. Я просто вспоминаю всё, что могу вспомнить из рассказов мамы о тех временах.

Есть истории про отца и Ивана, которые вроде как летали на маленьком самолёте по каким-то делам, и про то, как цыганка выманила у отца драгоценное кольцо. Также отец рас-



сказывал, что примерно в то же время другая цыганка выманила у него в парке кучу денег. Цыгане в России, напомним на всякий случай, — это не такие цыгане, как в фильме Гая Ричи «Большой куш», где они выглядят как обычные белые европейцы. Здесь все загорелые, с чёрными волосами, а женщины носят традиционные наряды. Они будут появляться время от времени в моей истории детства.

Иван был начинающим бизнесменом. Он был низкого роста, довольно маленького телосложения и молчаливый — как мой дед Вова. Только если молчаливость деды Вовы коренилась будто в какой-то проглоченной обиде на судьбу, то молчаливость Ивана объяснялась его естественным типом личности, типом привязанности. Отец говорит, что называл Ивана шпионом, но я думаю, Ивану это не нравилось. Иван всегда легко обижался — так говорили в нашей семье. Я даже думаю, что отец называл его шпионом не вслух, а только про себя. Обычно-навязчивая баба Валя в моё время всегда была с Иваном кратка и не доставала лишним вниманием.

Иван был уверенным в себе и спокойным. Хотя жил в центре Саратова, он не поступал ни в какой университет или институт, насколько я знаю. Но, может, учился в каком-то колледже. Отец рассказывал, что как только Иван достиг совершеннолетия — восемнадцати лет — он поехал в Польшу, купил какой-то товар и вернулся его продавать. Это было в России время, когда все, кому нужны были деньги, стали барыжничать: СССР кончился, и людям разрешили обогащаться. Но эта поездка Ивана в Польшу противоречит тому, что в его возрасте его должны были призвать в армию (и только учёба в высшем образовательном заведении могла спасти — не колледж). Не знаю, как он её избежал. Я не помню рассказов о том, чтобы он был в армии.

В общем, он был начинающим бизнесменом. Он не пил — или почти не пил, ничего не понимал в сентиментальности, был молчалив и очень уверен в себе, как я уже сказал, и имел связи и знакомства (я не пишу «друзья», потому что мама говорит, что он иногда мог быть предательски настроен к друзьям ради денег, и она даже называла его «бессердечной сволочью», когда мы однажды обсуждали его). Отец некоторое время был его бизнес-партнёром, и когда меня интересовала та криминальная эпоха нашей страны, он рассказывал разные истории об их первых шагах — что они продавали сигареты, мебель и всё подряд. Но, судя по тому, что Иван даже продавал сигареты — зарабатывая на чужой зависимости — он не был разборчив, в отличие от моего отца, который всегда был избирателен и боялся криминала, милиции и закона. Так Иван продолжал зарабатывать, расти и жить мужскую жизнь — с машиной, с бизнесом и всем прочим — а отец в итоге отстал и так и остался «у бабы Вали под юбкой», как мы с мамой говорим. Отец и сам с этим не особо спорит — только не использует такую формулировку, а объясняет тем, что он — мечтатель.

Отец заканчивал университет; его выпускная работа была по Скандинавской Эдде, он рассказывал. Мама помнит, что он учился лениво, и она даже помогала ему с английским. Как она могла ему с ним помочь, я не знаю — она сама знает всего несколько английских слов.

Она рассказывает, что он иногда возвращался домой, и у него изо рта воняло каким-то говном, будто он где-то курил какое-то говно. К этим рассказам она всегда добавляет, обращаясь ко мне: «Всё это тогда было весело, жалко только тебя», имея в виду, что не нужно было с таким никого рожать.

Прошло некоторое время после моего рождения — может быть, несколько месяцев, — и мама начала приходить в себя, и ей стала надоедать жизнь в тесной сорокапятиметровой двухкомнатной квартире со мной, отцом, бабВалей в качестве мужа, Ларисой и Иваном — он тоже переехал к ним. Баба Валя постоянно — в той крошечной кухне на восемь квадратных метров

— принимала всё новых и новых гостей. Приводила гостей из профилактория — любила угождать разным важным людям, чтобы попасть к ним в милость и, возможно, извлечь выгоду. Но в основном приходили её знакомые — всякие недалёкие женщины, но также и им противоположные — типа той Нины Фёдоровны. Эта Нина была из того типа бабВалиных знакомых, которые, наоборот, пользовались её недалёкостью и, пусть и в чём-то ей помогая, думали в первую очередь о своих выгодах. Позже эта Нина работала в «Фаберлик» и интенсивно впаривала бабе Вале всякую ненужную продукцию.

Перспектив переезда в отдельную квартиру не было, и стабильной работы у отца не намечалось. Конечно, в те времена было трудно найти работу — но вакансии были. Только ему не нравилась идея таких работ — они были физические и тупые. Мама рассказывает, как баба Валя ей как-то раз сказала: «Нет, Саша работать не будет». Также мама часто мне рассказывала, как позже после этого, когда она пересказала те слова — ну или просто объяснила, что отец не работает — своим родителям, которые в тот момент копали грядки в огороде на Фрунзе, дед аж выронил из рук лопату.

И никто так ничего и не рассказывал маме о ещё одной квартире, которую получила бабВаля. Мама говорит, что баба Валя — гиперопекающая кормилица, одержимая благополучием детей, — хватала любую возможность получить какую-нибудь жилплощадь. Рассказывает, что она прислуживала за состоятельными пожилыми еврейками, мыла их после смерти, организовывала поминальные мероприятия и застолья, всегда надеясь что-нибудь получить от их родственников. И ничего ей не доставалось. А баба Клава и дед владели трёхкомнатной квартирой и домом на Фрунзе. Так что есть основания полагать, что отцовская сторона решила держать новую квартиру в секрете с целью подождать — может, родители мамы выйдут с предложением отдать что-нибудь из своего молодой семье. В ретроспективе это сделало ситуацию для мамы ещё гаже: отец знал о второй квартире и молчал вместе с остальными. Но мамины родители, как я уже говорил, — и особенно теперь главная там владычица, баба Клава, — не уступали жилплощадь просто так.

В общем, в той двухкомнатной в Заводском не было сцен или скандалов. Мама просто устала от всей такой жизни там, собрала вещи и в ноябре девяносто третьего уехала со мной в Энгельс, в квартиру на Льва Кассиля к бабе Клаве с дедом. Отец остался со своими и в итоге переехал с бабой Валею в ту новую однушку неподалёку — на проспекте Энтузиастов, — где баба Валя на всю оставшуюся жизнь поселилась на кухне, а отец — в зале. Однушка была на девятом этаже, как и двушка. В двушке остались Лариса с Иваном.

По стране уже шла та суэта, известная как «приватизация», которая означала не только присвоение всяких заводов будущими олигархами, но и присвоение гражданами жилья, в котором они жили или на которое имели какое-то право. Все те квартиры, выданные людям за работу, как дедам и бабе Вале, а также участки земли, на которых стояли частные дома, — всё это по заявлению, часто, правда, через множество бюрократических препон, стало оформляться населением в частную собственность.

Ключевую роль в том, имелось ли у жильца право оформить жильё в свою собственность, играла перешедшая из советских времён и очень бюрократическая, российская вещь — прописка — адрес, указанный в паспорте, по которому человек должен жить и в районе которого мог пользоваться благами, положенными в нашем государстве бесплатно — больницами, школами и прочим. Адрес прописки — это также первое место, куда приходит милиция и другие представители власти, если человека нужно найти. Прописанного человека нельзя было выпisać без его согласия или согласия опекуна, что делало невозможным продажу собственности владельцем. А если прописанный — ребёнок, — то он и вовсе автоматически претендовал на долю при приватизации. При этом, насколько я помню всю эту систему (она была актуальна и

играла ключевую роль в моей истории и во времена моего позднего детства), родитель ребёнка должен был также быть прописан или даже иметь долю в квартире с ребёнком.

И вот, переехав со мной на Льву Кассиля к дедам (так мы с мамой их всегда называли, с ударением на последнюю гласную), для того чтобы меня привязали к детской поликлинике в Энгельсе, и чтобы мне вообще дальше в Энгельсе существовать, маме было необходимо там меня прописать. Как я понимаю, это было сделано, и это — а точнее, то, когда все те юридические последствия, то есть становление мамы фактически собственницей квартиры, стали понятны, — и было стартом новой пожизненной психологической тяжбы между мамой и бабой Клавой.

Ни «заслужив», ни «пролив ни пота, ни крови», да ещё и наделав дел — связавшись и родив от неработающего весельчака, — мама получит результат тридцати лет бабКлавиной работы на заводе. Для бабы Клавы это был кошмар, и с ней началось то, чем она лучше всего всем и помнилась. Она ходила за мамой по жилищным инстанциям, называла её аферисткой. Итог был тем, что баба Клава, как мама всё это часто рассказывала, сдалась и отписала ей всю квартиру с проклятием. А тётки в кабинетах маму ещё спрашивали: «А она у вас нормальная?». Только я не знаю, когда эта окончательная приватизация на маму произошла точно — когда мне был год или когда я был уже чуть старше.

В начале девяносто четвёртого, должно быть, деды окончательно и навсегда вернулись в своё родовое место на Фрунзу, а студентки оттуда съехали. Но контакт между мамой и бабой Клавой был отнюдь не порван. Все те закидоны и истерики бабы Клавы — это у неё было обычное. И такие драмы у мамы с бабой были всегда — я потому и сказал, что начавшаяся с отходом Львы Кассиля маме психологическая тяжба — новая, то есть лишь очередная.

С отцовской стороны у мамы раскола тем более не было, и он наезжал или даже более-менее постоянно жил у нас. Он ходил со мной в здание по адресу: улица Ленина, дом один, — рядом с Энгельсской пристанью, которой будет в моей истории потом много. В том старом здании было какое-то учреждение, где выдавали бесплатно детское питание. Этого всё не помню.

Ближе к возрасту моей памяти, больше ради любви к книгам, чем к деньгам, отец начнёт продавать книги с маленького лотка на улице возле энгельсской городской библиотеки. Я это упомяну в основном рассказе. Девяностовщина и рэкети́рство по моим детским воспоминаниям будто бы обошли наш регион стороной — в моей истории будет почти ноль эпизодов про это — но тем не менее вот даже у отца есть что вспомнить по теме: в первое время его торговли какие-то парни в олимпийках подошли к нему с намёками на дань, и он дал им какие-то детские пазлы.

Маме нужны были деньги на жизнь, поэтому нужно было опять найти работу. То есть — дядю Серёжу. Он, как я уже упомянул, был в должности главного архитектора Энгельса. Она ему позвонила, они возобновили отношения, и как было дальше — я уже не интересовался, куда он там её пристроил. Ну, устроена куда-то она была в то время всегда, но основная его помощь ей в те золотые годы её недолгой архитектурской карьеры была в том, что он давал ей клиентов, ну или просто заказы на исполнение, которые она сидела и чертила дома на доске всё моё детство. Только она не была какой-то там деловой и финансово-проворной женщиной, как можно представить. Вообще — абсолютно наоборот.

Она мне часто вспоминала, как брала три тысячи за проект, когда другие уже сто лет как брали десять. Даже и не думала, что цены растут, — была дурой. И никто ей не подсказывал, конечно же, а она ни с кем на тему денег и не общалась — после того как ещё изначально выучила, что в вопросах, касающихся зарплат и денег, никто ничего не скажет, и только испортить отношения, если будешь интересоваться. (Стаж, кстати, ради которого она была всегда

куда-то устроена, ей ни хрена не учли, и она получает минимальную пенсию: «Нужны свидетельства коллег, а никто мне помогать не будет». )

В начале моей молодости, ещё до того как я занялся деньгами, она целый год продержала накопления, вложив их в квартиру в строящемся доме, и продала её, когда он построился, за те же деньги — даже и не подумав, что цена выросла. Это как можно было так до сорока пяти лет жить? «Золотые годы», «золотая жила» — это её названия тем временам, когда она чертила проекты. Только вот жили мы с ней как абсолютный средний класс и даже ближе к бедным, в то время как её знакомые без всяких золотых жил строили себе коттеджи, меняли машины, обзаводились новинками техники без задержек. Часто вспоминает с восторгом: «Три тысячи, ещё три тысячи, как с неба!». Просто она сравнивает с беднотой, с физическими работами, и «золотым» называет то, что деньги ей поступали не за торговлю селёдкой на базаре, а за спокойное рисование, сидя за столом дома, в тепле. А то, что эти три тысячи — это даже меньше, чем на базаре, — её не волновало. У неё точно такое же мышление и сейчас, когда она ходит по мусоркам и сдаёт макулатуру: «Вот так да! Прошлась — и на пирожное себе картона сдала!».

Я навалил этих подробностей, чтобы было из чего заключить ещё более важное: она была проблемная. Деморализующие последствия трудных отношений с матерью известны сегодня на уровне интернет-мемов. Мама буквально всю мою молодость каждый день вспоминала свои драки с бабой Клавой. Но, кроме этого, я знаю мамину «дурость» и по себе — в более общем смысле. Когда у меня нет фокуса на каком-то деле, я начинаю в нём проёбываться. А фокуса нет, потому что гложут другие проблемы.

К примеру, сейчас, на момент финальных коррекций текста, у меня психика уже на той стадии, что из двух очевидных вариантов я выбираю неверный. То же самое, кстати, можно сказать и про наоборот чрезмерную дотошность. Там тоже нет фокуса — там фокус уже к деталям, а не к делу.

В общем, мама — проблемная. И именно тогда — может быть, даже особенно тогда. А я-то точно это улавливал.

Я постепенно перехожу к описанию себя.

Первый и второй годы жизни, как я считаю, — самые определяющие периоды формирования психики (помимо и после генетических факторов), но, естественно, и к сожалению, из первого я всё-таки ничего не помню.

Мама говорит, что я много плакал в младенчестве, меня было очень трудно успокоить. Когда она жила со мной в Заводском, туда заходила кузина отца, которая унаследовала, как я понял, дом бабВалиной семьи возле Сенного рынка. Тётя Света её звали. Мама говорит, что я начинал орать как резаный, и меня невозможно было успокоить, пока она не уходила. Женщину ту я потом, повзрослев, видел. Обычная. Ровесница родителей, может, даже чуть младше. По характеру — типа бабы Вали: заигрывающая, оптимистичная. Если там был страх, а это похоже на то, то, по аналогии с другими эпизодами из будущего, дело могло быть вот в чём. Эта тётя Света была светловолосая. Я мог её путать с мамой — только, конечно, я видел, что это не мама. А изменённая мама, изменённые близкие — это даже страшнее моего базового страха потери близких. Тут они, наоборот, рядом, и видно, что их больше нет.

Уже после переезда в Энгельс мы с мамой ездили в Заводской к моим — ещё в двухкомнатную (так мама называет отцовскую сторону: «твой»). И я там опять же ревел, только теперь уже от матери Ивана — Татьяны; она, видимо, теперь туда наезжала. С этой уже не так ясно, в чём было дело. Маленькая, добродушная тётка с волосами, окрашенными в свекольный цвет.

А ещё, в месяцы, когда мы с мамой жили ещё у них, там рос тополь вплотную к окну, где я лежал, и в него ударила огненная молния, и я там сильно разорался.

В общем, я постоянно ревел, и меня постоянно рвало в общественном транспорте.//// Ювче нзобйэ олпслэмкм орныйя. \\\Всё это мама рассказывала.

Мама часто вспоминает, что я рвал свои игрушки (но это уже годы после младенчества). Я, конечно, очень хорошо помню случаи, когда рвал игрушки и вещи в возрасте от трёх до шести и старше. Но всё-таки среди моих «жертв» мама часто упоминает и, например, какую-то бумажную игру, которую, хоть она говорит, я порвал в четыре года, я совершенно не помню. Игра была из её детства, так что здесь, будучи сильно восприимчивой к моему отношению к ней, она вполне могла запомнить неверно — ввиду такого аффекта — и я в реальности мог её порвать в те самые первые годы.

Дед купил мне игрушечный кран, и я его бросал из колыбельки и заставлял дать мне обратно — и так по кругу. Не помню. Мама рассказала осенью девятнадцатого года.

Мама возила меня в простой детской коляске, но я этого всего не помню. В самом раннем детстве я, вроде бы, видел её сложенной в тамбуре у квартиры, но вскоре она исчезла.

Мама рассказывает, что мы с ней постоянно бывали в городском парке, и я там играл со своими ровесниками, в числе которых была Даша Серебрякова, которая будет в моей истории в районе десяти лет. Я не помню этих игр в парке ни с кем. Это было, получается, летом девяносто четвёртого.

Ну вот, наверное, и всё, что могу рассказать, прежде чем начать автобиографию. Каламбур... Ну, просто основной текст я начну в другом стиле, и он, кстати, будет очень надолго — до определённого момента.

\*\*\*

∴

— Часть 3.

∴∴

>>> Часть 3 текст 1. Описание квартиры на Льва Кассиля.

∴∴∴

Энгельс, улица Льва Кассиля, дом шестнадцать, шестой этаж, квартира двести четыре. Угловая трёхкомнатная, пятьдесят квадратных метров.

Какходишь в квартиру — на полу тут старая плитка из каких-то синих и красных пластиковых пластин. Налево — коридор пошёл. Направо — ванная. А прямо — кухня.

Направо — в ванную, значит. В ванне нет места ни на что, кроме как стоять. Как в ванную вошёл — тут справа куча белья для стирки. Впереди — ванна вдоль стены, а слева — раковина. Рядом с дверью в ванную — дверь в малюсенький туалет. В нём, кроме унитаза, — ничего. Места нет вообще. Между комнаткой унитаза и ванной — зеркало высокое висит. Это в котором отражаешься. Я туда не достаю смотреть.

Дальше, после туалета, — кухня. В неё есть дверь со вставленным цветным стеклом — какой-то узор. Справа сразу тут раковина, а под раковиной — мусорное ведро за дверцей. Дальше идёт разделочный стол по правой стене. На нём мама готовит. И потом плита. Наверху, на стене, приделаны шкафчики из того же набора, что и разделочный. Тут всё для готовки еды. После плиты, перед внешней стеной с окном, — тумбочка с выдвижными ящиками. В них там интересных вещей полно.

Да, в принципе, везде полно всего интересного. Тут неизведанно и непонятно вообще ничего, кроме каких-то элементарных вещей, типа ложек. Они понятно зачем — чтоб ими есть. И то, на них узор какой-то непонятный.

Окно — во двор дома.

В левом дальнем углу кухни — кресло. Оно — козырное место на кухне, типа самое удобное. Для взрослых — и именно таких, которые более-менее приближены к нашей семье. Там сидишь как бы весь развалившись, а развалившись простые гости обычно не сидят, как я заметил. У меня вообще немного наблюдений пока. Я в том кресле не сижу, в общем.

Дальше в центре кухни — главный кухонный стол. Высокий для меня. Табуретки вокруг него стоят. Всё кухонное такое, всё связано с едой. А у стола треугольные такие ноги. У него две ножки всего, но каждая из двух досок, стыкующихся в форму угла. Такие вот у стола ножки. На столе — телефон стоит. Телефон — это который звонит, и мама через него говорит с людьми.

Поворачиваемся назад, выходим из кухни. Сейчас у нас слева — дверь в туалет, зеркало, дверь в ванну, впереди — входная дверь, ну и поворот направо — в коридор. По левую сторону коридора стоит большая конструкция — шкаф до потолка, на всю оставшуюся длину коридора. В этом шкафу, я даже не знаю, чего только нету. Ну, в главном отделении, ближе к выходу из квартиры, там висят разные пальто взрослые, мамины. Оттуда ещё скучно пахнет деревянками и шерстью.

По центру этой всей шкафины есть как бы ниша-углубление, и там, на дальней стене, зеркало опять, а перед ним вот стоят разные пузырьки. Это мамино всё. Но я не замечаю, что она особо этим пользуется. Не, ну в смысле пользуется, но просто значительная часть пузырьков, насколько я заметил, ею не используется. Там лак какой-то для ногтей есть — пахнет который ещё.

После ниши с зеркалом — такой же отсек, как и для пальто, но вот тут-то уже висит моя уличная одежда. Куртка. Я очень люблю куртку свою. Сразу что-то такое неизведанное, сразу улица, сразу новые неизведанные вещи. Обычно новое открытие связано с какой-то интенсивной позитивной эмоцией. Поэтому мне всё новое интересно. А я постоянно узнаю что-то новое. Я вот вроде живу в своей квартире, но мне тут только маленькая доля известна о ней. Да и о себе. Но я это так не оставляю — я тут всё изучу.

В отсеке, где моя куртка, там пылесос стоит. У этого коридорного шкафа есть нижние отсеки, в которых башмаки. А вот наверху, у потолка, отсеки, в которых я даже не знаю что. Я бы хотел туда залезть.

Вообще я бы хотел залезть, например, туда — и наблюдать за ходаками коридора. Хотел бы, чтоб пришли гости какие-нибудь, а я там сидел, смотрел за всеми и был в курсе всего. Сажу там такой, и у меня там уютно, тёпленько, а все — внизу и зачем-то суетятся.

А напротив коридорного шкафа — средняя комната. Дверь в неё там, где коридор только начинался, то есть возле прихожей. Коридор, кстати, не широкий — взрослому полшага. В комнате там спальня, короче. Вот тудаходишь, и там вот так: в центре дальней стены — окно во двор дома, опять же, потом там какая-то тумбочка, по центру — большая кровать, а слева, в углу, как заходишь в комнату, вдоль стены, за которой зал, — там стоит моя кроватка. У неё высокие перила. Я бы не смог из неё вылезти. Меня оттуда поднимают. Эту спальню называем средней комнатой — из-за размера.

Под каждым окном в квартире — батарея, забываю сказать.

Выходим обратно в коридор и идём по нему дальше — и входим в зал, самую большую комнату квартиры, с телевизором. По левую руку, как и в коридоре, идёт как бы такая стенка с полками. На них — книги. До потолка тоже, как и коридорный шкаф. Внизу — отсеки с посудой и очень интересными штуками. Там есть коробка с пуговицами и много чего ещё. Разные какие-то фотографии, вставленные в картонную коробку.

Книг много, но книги не понимаю. Ну, там текст, и надо как-то его читать, и там рассказ. Мне это неинтересно вообще. Вот пуговицы, посуда или дальний нижний ящик — это да. Дальний ящик — уже у окна. Это окно — то, которое прямо по курсу, когда идёшь по коридору в зал. То есть оно уже не на дворовой стене дома, а на торцевой. Квартира-то угловая. Зал — угловая комната дома. Есть и второе окно в зале, вот оно — во двор. Ну, точнее, на балкон.

Вот, значит, заходим из коридора в зал, и впереди это окно, а направо — сам продолговатый зал. Справа, по длинной стене, граничащей со средней комнатой, стоит диван. Дальше, в конце зала, — дверь на балкон. Рядом с дверью, влево, — окно. У этого окна стоит телевизор. Тут дальний угол зала, и пошла обратно вторая длинная стена. Вдоль неё, то есть напротив дивана, стоит пианино. Никто не умеет на нём толком играть, но оно есть. Ну, или отец разве что. Я пока не понял. Мама на нём никогда не играет. Ближе к первому этому окну стоят два кресла. Они из того же набора, что и диван. Зелёные поролоновые сидушки и спинки. Я с ними буду играть скоро. А в центре книжного шкафа вдруг — раз — и проход. В маленькую комнату.

В маленькой комнате — она ровно квадратная — там сейчас непонятно что. Ну, там есть шкаф, и в нём опять же разные вещи висят. Этот шкаф кажется не очень интересным, но я уверен, что и там можно что-то найти, если захотеть. Ещё там есть швейная машинка — это такой немаленький деревянный комод, который как-то раскладывается, и там появляется какая-то опасная для пальцев штука, а в дверце, во внутреннем кармане, как бы, — куча ниток и иголок.

В комнате этой тоже есть окно, и тоже оно, соответственно, не во двор, а в торцевой стене дома. Меня иногда мама поднимает, и я вот там вижу слева улицу, вдоль которой наш дом стоит, и ещё прям под окнами у нас кирпичный красный дом, одноэтажный, внизу. А за ним дальше — тоже большой дом, как наш, девять этажей.

Про балкон не могу ничего пока сказать — я туда даже не выхожу.

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 2. Титя,,, стены в прихожей,,, ////зюйэь\\\\,,, курочка и психология слёз.

....

Нас двое в квартире — я и мама. Это вот такой хмурый полдень, всё серо за окном. Я тут весь в слезах и реву, как всегда, но только сейчас сильнее обычного, не остановить вообще: я узнал, что мама выкинула мою титю. Это слово я произношу с ударением на последней гласной. Я титю не сосал уже очень давно, уже даже не помню, как она выглядит, но сейчас вот о ней вспомнил, а мама сказала, что выкинула её, и я впал в истерику. Я бегаю по квартире и вою: «Где моя титя?». Она говорит, она её выкинула, потому что пора взростеть. Я ещё сильнее вою.

Я рыл сейчас в шкафу в маленькой комнате, но там её нет — только одежда и пластмассовый «микрофон».

Прибежал вот сейчас в ванну — тут в белье ищу. Она говорит: «Хватит». Она даже весёлая. Я из-за этого ещё сильнее вою. Она ходит, хлопчет по дому со всякими тазами и стиркой. Я не знаю, как теперь жить — титя была очень важной вещью для меня, а теперь её нет. Реву и реву.

Не, ну понятно, что она всё правильно, наверное, делает. Так, видимо, и положено. Я имею в виду — она очень спокойно реагирует на мой плач, даже выглядит весёлой, как я заметил. По такой её реакции я понимаю, что я уж по-любому переживу то, что у меня нет больше тити. Иначе бы она пыталась мне её найти. А это она сама её выкинула. Значит, всё мне на благо.

Но всё-таки мне слишком херово, несмотря на какие-то благие мотивы.

Раньше я ревел, истерил — и мне её обязательно всегда давали. То есть я выучил это всё так, что теперь, сейчас, не мог подозревать, что отсутствие тити будет мне на пользу. А мне резко заявляют, что это на пользу. Это очень резко и без предупреждения, без подготовки.

\*\*\*

Прошло несколько дней после инцидента с пропажей тити. Я уже спокоен сейчас. Мне она не нужна, у меня другие вещи на уме.

Засыпая, вспоминаю то да сё. Стены в прихожей и в коридоре напротив шкафа у нас отделаны какими-то пластиковыми выпуклыми пластинами. Выпуклые квадраты с заострённой сердцевинкой. На эту сердцевину хочется надавить или стукнуть — и вдавить выпуклость внутрь, к стене. Иногда делал. Последствия — разные. В основном, когда их туда вобьёшь, они сами потом выпячиваются обратно. Иногда так и остаются. А иногда, если пластик совсем высохший и хрупкий, то они могут проломиться вообще вовнутрь. Мама не ругает.

Пластиковые пластины есть и на полу. Тут всё какое-то пластиковое, и не кажется, чтобы мама уже берегла эту отделку. Всё старое. Из какой-то старой жизни, которую я не видел. Я тут уже после неё.

\*\*\*

////Огифюр анп сэинв царпан взоинйтнря а пгкв, оёябж, а ммов. Еляфжс, мэвн жтпж зюйэры. Ю бнямпы лэкд: «Тмцр йэияпъ». Ъпм угкшз монугро. Для кмв нпипшаявр баднъ, ннблзийдп лвлю, ю ажаонймёбюэоъ кю рлзпюж, з ммэ олия мстмгёр бгкэры вдию кю зсфкг кггэйдзм. Вбвоы а псяигс лд ёязоъюдпню. Я кяйю, инавя унбжс а псяигс, — ммэ жэипшаявр кю хнзкбъигс жжксснж.

А ляшвк, э кю рлзпюжв. Оляфюкэ оёпзы. Э гэйыхг псс пджхяо мэвн ртджсщпю, цпмаш йэияхия аъхйя. Вланнь: «Йэ-йэ». Ряз лэка сцёйя бнямпёры, йлбгэ срезхърь, фрню бшцкл. Ямс ммэ сэк огифюр аътмгёр, иязючзю. Созйя а рлзпюж. Норяпиз гшг бшаяибжбъесоэ. Э — бод. Ипёхт: «Ъ олиязюк!».

Нпёунбжс ннбрзнюсщ олнт. Нкю ркдвр, ю ь олия лд мрямзи. Бю ь, ймёвр, ж окна аш тдг, лн э кг тмцр. Иъаиъ, инавя ммэ лкг ммгпжпэгс.

Ъпм, а мозкфзмг, пййщд йтфцзв нцсшвлзь — инавя ммэ жэямпжсоэ ё фимолхдп блёкв лвлю. Ю йёюжл, ю лтдгм, ю бкэамшз псс, бод ямйнсв кдкэ, арг гиэ йгмь. Э ю лд вниедк жэямпжсщпю лз м змл. Ю ед одюдмли псс. Я пйй ю рниъйл оёпзы. \\\

Ну всё, мама смывает унитаз — поднимает там эту штуку в форме грибка. Вода подхватывает кашку — и куда-то там всё уходит.

\*\*\*

Смотрю, какие у меня игрушки. Какое-то время назад у меня была игрушечная курица. Это была очень грустная курица. У неё грустная судьба. Во-первых, она должна была стоять на какой-то механизированной подставке, но не было никакой подставки. Была просто курица с металлическим огрызком вместо ног. Она, видимо, наклонялась на подставке и клевала. Но сейчас её нет вообще, этой курицы. Её жалко: она и так была сломанная, а теперь вообще аж нет её.

А был с ней вот такой ещё случай. Был то ли вечер, то ли утро, то ли вообще ночь. Я слаб, сонный, может, болел вообще. Я же тут вечно болею, но об этом позже. Всё как в тумане, в общем. И вот я с этой курицей побежал из зала в кухню по коридору. А потом мама за мной



пришла, а я плакал. Даже и не объяснить, из-за чего плакал. Но курица была в руке. Что-то связанное с ней, с той её грустностью. А в зале были разбросаны игрушки, и уже темнело за окном или, наоборот, светало.

Да я вообще часто плачу. Если нет причины, то могу её просто выдумать. С той курочкой я мог плакать, например, просто потому, что мог себе надумать, что она умела говорить и пожаловалась мне на то, что она игрушечная и на то, что у неё нет ног. На то, что она вообще есть. Вот сейчас, например, я прослезился от этой мысли. Цып-цып-цып, где ты, моя курочка... Я прям плачу уже.

Но я вытру слёзы, не стану их показывать маме — я же не смогу объяснить ей причину. Я говорить-то толком не умею ещё. Я сам-то не до конца понимаю, а она уж тем более не поймёт всей сложности причин моего плача.

Да и вообще, я не люблю, когда меня видят плачущим. Я люблю плакать, когда наедине с собой. Только тогда это приятно. Потому что, если не считать плача по курочке, идущего от опекунских потребностей, зачем я плачу в большинстве случаев? Чтобы получить помощь. И вот начинаем разбираться. В чём смысл той фантазии — сидеть на шкафу и за всем наблюдать? В том, что, находясь там, я бы «контролировал» ситуацию: кто-то идёт куда-то по коридору, а я уже сверху вижу, к чему он придёт. Чтоб я знал больше и оттого имел преимущество. Это нужно, чтобы оставаться счастливым. И вот чаще всего мои слёзы — это результат осознания, что не могу что-то контролировать, результат осознания моей беспомощности и немогущности. Рефлекс плача для того и срабатывает, чтобы окружающие быстрее поняли, что я нуждаюсь в помощи. А мне не надо, чтобы другие видели и запоминали, что я немогущ. Главным образом потому, что отношение ко мне как к немогущему будет подрывать мою и без того уязвимую веру в то, что я не немогущий. И вот, учитывая, что почти всегда я плачу по такому механизму, я не хочу, чтобы слёзы ассоциировались со мной в принципе. Поэтому я не хочу показывать и скрываю свой плач даже и по всем остальным, несвязанным с моей беспомощностью, причинам. И избегаю ситуаций, где у меня могут пролиться слёзы. На этом всём формируется во мне понятие и тема стыда, унижения и позора.

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 3. Манка,,, вырвало,,, клизма,,, страх перед неизвестным своим организмом,,, дневник первых слов,,, «У нас в доме лев»,,, знакомость,,,//// кяйю ёё яюмкш амкээ. \\\\

.....

Мама ведёт какой-то «дневник моих первых слов». Сажу у неё на коленях, и она рассказывает, какие слова я сказал первыми: «мама», потом — «кран», потом — «папа».

У нас есть журнал, и он называется «У нас в квартире лев». Про семью, у которых дома жил лев. Я опять у неё на коленях, и она рассказывает и показывает, кто такие львы. Это моё первое знакомство со львами. И даже как-то в целом — с дикими зверями. Там ещё другие животные в том журнале. До этого для меня существовали только привычные животные — кошки, собаки и птицы. А оказывается, есть ещё разные другие — по подобию моих игрушек.

Ещё, разглядывая тот журнал и фотографии, я ощущаю как-бы «знакомость» в том, как выглядит быт той семьи. Я же не бывал ещё ни у кого в гостях, и вот тут вдруг я смотрю эти картинки, вижу жизнь других людей и вижу, что у них выглядит всё так же: туалеты, трубы, диваны, кухня, плита. Тоже там у людей какие-то родственники, как у меня — баба с дедой, которые, кстати, приходят к нам иногда, и мы вот все вместе читаем со мной такие журналы.

Формируется идея во мне, что все сплочены. Даже чужие люди, чужие семьи. Связаны одинаковостью быта и поэтому — заодно.

Ещё, возвращаясь к теме льва и зверей, у меня появляется в голове вот эта идея о том, чтоб держать в доме зверей.

\*\*\*

В квартире.

Опять серое пасмурное утро. Мы с мамой на кухне, за столом, на табуретке. Я у неё на коленях. Нужно есть манку — она меня кормит из ложечки. На краю стола — телефон, горит лампа. После очередного проглатывания манки что-то пошло не так. Ужасное чувство внутри живота. Кажется, это конец. Так плохо никогда не было. Полезла съеденная манка изо рта наружу. Это что вообще? Я на полу и вижу, как моей манки всё больше и больше на полу подо мной. Я в таком состоянии, в котором вообще ничего не понятно, и всё безразлично, кроме того, что происходит. Первый раз со мной это — на моей памяти. Это худшее, что было в жизни. Мама взволновалась и что-то говорит — и это плохо. Тут точно не как с соской, где я по её реакции был уверен, что всё нормально. Тут мне реально плохо, а мама взволнована. Поэтому тут, в отличие от тити, и плохо, и страшно.

Вот, кстати, есть такая тема. Я, когда страдал из-за утраты тити, чувствовал, что я «переживу». А в каком смысле? У меня появляется понятие «переживу». Но что оно значит? Я имею в виду — чего нужно бояться? Я же чего-то боюсь. А чего? И вот сейчас, с этой манкой, тоже — я чего-то боялся. Ужасное чувство. Я не знаю о себе многого. Но, наверное, мама знает обо мне всё, что нужно — она же взрослая. Полагаюсь на неё.

Я так и не понял, что произошло, но я буду бояться рвоты впредь всегда. И то, что я ничего не знаю, не понимаю механизма — только добавляет страху.

Есть такая вещь, как клизма. Это что-то устрашающее. Не то чтобы я помнил, чтобы кто-то делал мне клизму, но откуда-то я уже знаю про неё. Я уже знаю её форму — оранжевая вся, и запах резины. Она где-то у нас лежит в ванной, где-то, где полотенца, мыло.

////Я нолнялнй, бслэ л йижжйг, э яполкзкюэ кяйс, рпвятычты нп лвлю аъмжсщ йэизвсл сэякврйё. Ёляфг, бнямпёр, ги нпёвепшю пгвйяпъ йлд икёёлр. Рпсэлаяйзяюдппю кнь алэжкъ зйзек. Ж лял, рзмпвг япдам, вядг кг ёё-ею пмвл, фрн э еляы, фрн икёёлэ — ысл рпояхлн ж еляы, фгл инкипврмл, э нп слбн, цпм ь, кюнюмплр, лд ёмэь. Ысл мв цпм-пм эярлйэплн лдяцмлпзймд, ю ёмэь. Ж кюлкмвл лвлдв рпояхлнв, фгл облря. Мл бод нюбкм ърн пбёякм о уёёзфгрзжлё нцшвлзъкз, р кнёк пгклк, инпмплг ь ддд кг еляы з яныпы мс лдам нюжкшф аьтмгли — сёня облр, тзежцвпйёу юмквз ё онмцвбн, — ж ямс мс ыслбн лделякжю ж орпэцмл.

Вче э еюлвхы гиэ огаь, фрн ыслр орпэу олняю змрягмкшл манюжлк бю оаюеюм п яшгвйджюйж — йэй ё йэинв-мёятбъ ймклин, пямсэ, зюйэцйё. О ёлннж ьпми анкыцвз ё йэй-яхияйж, с змслоьт рямяу езелы ннойд рнам, ияз зт рйшцбэгчц б смёряег. А ляшвк, ысл — лдётфгмкмд. Ю яныпы, йлбгэ мв жкюэ. \\\

\*\*\*

Полдень. Мама — в ванне, закрылась там, а я хочу в туалет. Мне нужно включить в нём свет, а я и не достаю, и не знаю, что точно там надо нажать. Тут стоит стул, и я лезу на него. Я что-то нажимаю, но в туалете света не загорается, а мама что-то заговорила из ванны. Она отодвигает шпингалет и открывает дверь: в ванне темно — я выключил свет там.//// Ммэ бшунбжс мспсгэ боэ амкээ. Ряй, авд с йгмь оёпю, т лдг блйнош. Э япдам бмкы рвитквъ ля ысл рймснгк. Сёрз иядссоэ елязмлшкз, мл сл, фрн анимрэрнв — ысл онэл лдмммьрмл цпм. \\\

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 4. Выходим гулять со Львы Кассиля,, в магазин с мамой на площади,, воспоминания о набережной и тюльпанах,, обратно домой по Театральной.

.....

Я сам не обуваюсь и шнурки не завязываю — мама мне всё делает. Вот она обула и завязала мне, и мы идём гулять в парк. Сейчас утро.

За дверью в квартиру — общий тамбур с соседями. Тут начинается всё чужое. Тут часто какой-то едкий дым и вонь, и чужие люди сидят на корточках.

Из этого тамбура вторая, следующая дверь — на площадку с лифтом, и там ещё две квартиры. Как вышел из этой второй двери на лестничную площадку, тут сбоку слева сразу лестница вниз и вверх, и там ещё толстая труба мусоропровода через все этажи, и в ней люки на площадках между этажами — туда мама постоянно выходит с нашим синим мусорным ведром и вытряхивает в дырку между нашим и седьмым этажом.

Мама жмёт кнопку лифта, он приезжает и с грохотом открывается. Туда могут поместиться вплотную четыре взрослых человека. Мама нажимает на нижнюю кнопку. Кнопки нижних этажей выломаны, некоторых верхних кнопок — тоже нет. Наша шестая почти вмята внутри, поэтому выломать её не получится. В лифте темно, сыро и пахнет кисло.

На первом этаже из лифта — направо, потом ещё раз направо. Несколько ступенек вниз к уровню земли уже. Пока ещё не вышел из подъезда — справа лаз в какой-то подвал, который иногда открыт, и там непонятно что. Проходим через драные деревянные двери в полутьме и выходим во двор.

Сразу, как из подъезда вышел, справа, буквально в одном шагу — ещё одна дверь, типа как вход в подъезд, только это там помещение, куда сверху прилетает мусор по той трубе, и если эта дверь открыта, видно, как он там вылетает из вонючего её дула. Туда нельзя заходить, туда только бомжи — люди, живущие в мусорках — и кошки иногда заходят. Ну и приезжают сюда без конца мусорщики к нашему подъезду на грузовике, и вот они выгребают всю эту хрень лопатами. В эти моменты воняет до шестого этажа, и мы закрываем форточки. Потом они уезжают, и если вскоре выходишь из дома, то идёшь по остаткам мусора и полу, мокрому от вонючего гнилья. Но прямо перед мусоркой есть лавочка, и там бабки с дедками сидят, разговаривают — и им хорошо.

После мусорки — направо, там дальше другие подъезды нашего дома, всё как у нас. Но мы, выйдя из дома, поворачиваем налево, и тут узкий проход вдоль стены дома под окнами квартиры на первом этаже, которая получается точно под нашей, только у неё нет балкона. В ней слышно, как обитатели стучат кастрюлями и разговаривают. Это мы прошли кухню, а теперь мы идём, считай, под нашим балконом, заворачиваем ещё налево — как бы вокруг нашей квартиры. Справа от этой тропинки, где мы сейчас идём, — угловой палисадник, и вот теперь тут, в этом палисаднике, растёт берёза. Когда дома меня мама поднимает на руках, я смотрю сверху из окна маленькой комнаты на эту берёзу, и её ещё болтает ветром. А ещё рядом растёт рябина, это у которой какие-то ягоды.

Мы выходим на улицу Льва Кассиля. Мне эти слова ни о чём не говорят, кроме того, что это как-то связано с красным домиком из кирпича справа.

Мы пересекаем дорогу — эту улицу Льва Кассиля, — прямо тут же сразу, и идём по улице, которая ответвляется от неё косо. Сначала тут слева — стоянка машин. Потом идут несколько частных домов, начиная с каких-то запыленных и кончая кирпичным новым, который странный тем, что в него вход прям снаружи, но эта дверь всегда основательно заперта, и непонятно, как в этот дом заходят.

С этой косой улицы мы поворачиваем направо, и тут огромное дерево — вяз. Оно почти такое же высокое, как наш девятиэтажный дом. У его подножья — колонка с водой, и жители соседних деревянных домов подходят сюда с вёдрами, и тут бывает целая очередь. Потом они заходят в калитки своих дворов, и там видно, как лают собаки везде, и везде какие-то вёдра и сараи.

Этот путь — начало большинства наших прогулок.

\*\*\*

Сейчас тёплые дни идут. Раньше было хмуро, как тогда, когда титя пропала и когда манка, а сейчас солнце уже постоянное. На него не посмотреть — ослепляет.

Сейчас мы в продуктовом магазине на городской площади. Тут очередь, а по другую сторону прилавков снуют тёти в фартуках и выдают продукты. Синие весы у них. Продукты тут — основные: хлеб, молоко и другое в этом духе. Тут всё похоже на нашу квартиру. Ну, в смысле, тут всё чужое, но тут тоже вот какая-то плитка на полу, всё квадратное, все элементы тяготеют к квадратности и пластмассовой примитивности. На подоконниках тут стоят растения в горшках. Я смотрю на потолок — он весь в зеркалах, и я вижу себя, и ещё там крутятся потолочные вентиляторы. Мухи летают, жарко, и вокруг тёти.

Выходим из магазина. Впереди нас небольшая дорога, потом аллея со скамейками и деревьями, и дальше там уже площадь. А за ней — городской парк и ещё справа — парк аттракционов, это где большие качели. Мы не раз проходили мимо. Парк аттракционов наверху чуть-чуть, а просто парк — чуть ниже, и после спуска там ещё тир, небольшое здание. Не знаю, что такое тир. За ним растёт дерево, с которого опадают маленькие лёгкие штучки, множество раз вращаясь в полёте. Мы когда-то с мамой стояли и бросали их в воздух. Она говорила, они называются «вертолётки». Дальше, в сторону Волги, там такие клумбы с тюльпанами. Этой весной мы туда ходили — был туман, на земле плиты, между ними трава, мох, диковатое место. Я там бегал. А ещё там такие бетонные стенды, на которых разные надписи, имена. Что-то всё связано с «войной». Я это всё не знаю, мне это не надо. Война какая-то. Мне вот нравится вспоминать, как мы были тогда в том месте — почти только мы с мамой, всё было в нашем распоряжении вокруг. Но кто-то подходил к маме, и они разговаривали, пока я бегал и резвился в тумане. А дальше там была Волга.

Волга — это вот эта наша большая река, края которой тогда в тумане даже не было видно. Прямо после тюльпанов там идёт дамба вдоль берега, и внизу там вот эта Волга. А дальше — вдалеке неизвестность. Мне вот это нравится. Всё неизвестно, всё безгранично. Полно чего изучить.

Мы тогда там заодно ходили за хлебом. Прямо под дамбой, рядом с местом с тюльпанами и стендами с именами, там забор, ограждающий какую-то территорию, а со стороны дамбы есть здание с окошком, и мы там брали, и до сих пор иногда берём хлеб.

Вот всяких скучных походов в магазин — я не хочу. Я хочу открывать что-то новое, чтобы мне было интересно и хорошо, чтобы я был «приятно взволнован». Чтобы было всё безопасно, безболезненно, но всегда чтобы было что-то новое, что испытывать и узнавать. Вот так мне нравится. А как сейчас было — вот это стояние в очереди и ожидание каких-то продуктов — не хочу.

Мы отходим от магазина влево, и скоро тут уже поворачиваем ещё раз налево, в направлении дома, оставляя площадь позади. Тут сейчас вокруг разные места, где мама обычно деловая и что-то делает.

Идём по короткой пешеходной аллее. По бокам — лавочки, а за ними — деревья в клумбах и ещё тротуары вдоль зданий. Но мы ходим обычно посередине, как и все. Подошли к

улице, ждём, переходим. Мама всегда держит за руку, а иногда где-то даже несёт. Когда через дорогу, то это как минимум за руку. По дорогам ездят машины.

На той стороне улицы, с которой мы перешли, был ещё один хлебный магазин. Туда тоже заходим часто. А на этой стороне, на углу слева от нас — ещё один продуктовый. Но мы идём домой дальше.

Большие здания справа — это «театры». Их тут не один. Первый — самый главный, большой. Театр оперетты называется. Он для взрослых. Дальше какие-то дома. Они тут все одноэтажные, старые. Какие-то люди там живут. Не знаю, как они там живут, что там внутри. И вот, пройдя пару домов от первого театра, справа — опять театр. Точнее, он называется кинотеатр «Ударник», мама говорит. Вот тут что-то для детей. На фасаде — большая детская картинка с какими-то человекообразными зверьми. В смысле, у них на лице есть эмоции. Не то что у настоящих зверей. Рядом с этим Ударником — ворота, а за ними видно, что там какой-то заросший кустами зелёный двор, длинная аллея и вдалеке тоже что-то для детей — качели.

Дальше у нас справа — маленький деревянный домик, снова что-то связанное с театрами или фильмами. Кино какое-то смотреть. Что это всё такое — я не представляю. Я вижу только здания и знаю, что это — «театр», это — «тир» — и так далее. А что там такое внутри — мне неизвестно.

К концу этой улицы с театрами мы идём по левой стороне, потому что нам сейчас налево надо будет. Мы проходим ту самую колонку, где набирают воду. Толпится очередь из людей с ведрами, лишняя вода течёт на дорогу, лужи вокруг. И всё это под ветвями того огромного вяза, о котором я рассказывал. Ствол у него толстый, что не обхватить даже двум людям. И я, как всегда, обращаю внимание на его высоту, которая почти как наш дом. Вон, наш дом уже виден. Поворачиваем к нему налево.

Так заканчивается большинство наших прогулок.

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 5. То ли сон,, то ли явь о празднике на площади,, парк,, карусели,, слабак ли я,, Рита,, дядь Серёжа,, кроватька.

.....

Очень солнечный день. Мы с мамой на площади. Тут какое-то празднество... Много народу, жара, на площади — торговые палатки и какая-то кутерьма. В этом всё сейчас ощущение чего-то очень пышного и яркого. Много каких-то ярких нарядов, как в сказках. Тут даже какие-то кони и стоги сена, а также какие-то блины, что-то пекут.

\*\*\*

Ещё один день... На улице уже совсем тепло и далеко от серого времени. Мы с мамой выходим из дома, идём по косой, потом по улице с театрами, переходим дороги, переходим площадь и идём в парк аттракционов. Ещё только утро, и на мне джинсовая куртка-рубашка, как обычно. Входишь на территорию парка аттракционов через калитку — и сразу касса, покупать билеты. Мама берёт билет пока, я жду.

Сразу за кассой — детская карусель: по кругу вертится круг, а на нём — фигуры животных, которые служат сидячими местами. Вот мы — сразу к этой карусели. Мы сюда зачастили так ходить. Сначала я ездил с мамой, а теперь стал уже один. Я — обычно на лошадке.

Сажусь, берусь за ручки как за руль велосипеда и езжу по кругу. Мама снизу сидит, смотрит.

Дальше от этой крутящейся по горизонтали карусели, сразу следующее от него в сторону Волги — мини-колесо обозрения. Высотой с человека три взрослых. На всём колесе несколько люлек с местами для двоих. Тут — с мамой. Садимся и едем несколько вращений. Я еду и смотрю на аттракционы для взрослых. Вдалеке, в самом северо-восточном углу парка, — большое колесо обозрения. Когда-нибудь на нём поедем.

Впереди нас — вертящиеся по кругу цепочная карусель. Там на длинных цепях просто свисают одиночные сидения, и сающихся детей ещё пристёгивают цепью над поясом. Там вращаются быстро, высоко над землёй, а родителю рядом не сидеть — и для меня одного это пока рано.

А сразу за теми качелями зловеще виднеется большая и тоже крутящаяся штука — «Сюрприз», называется. Это вообще для реально взрослых. Там просто люди встают в такие ячейки по краям по кругу, а дальше это всё сначала начинает вращаться по горизонтали, а потом, разгоняясь, ещё и наклоняется вертикально, и, за счёт физического этого разбрасывания тяжести в стороны, люди как бы вдавливаются спиной к спинкам своих ячеек и не вылетают. От этого «ожидаемого сюрприза» там все визжат, ну и, в принципе, он шумно вращается, что добавляет страху.

В какие-то дни мы ходим ещё на другой аттракцион прямо перед кассой, где тоже фигуры зверей, только там крупные и они не вращаются, а будто клюют или скачут.

В общем, в основном мы пока ходим на ту первую классическую карусель, которая за кассой, на то мини-колесо обозрения и на те третьи клюющие фигуры животных, которые перед кассой.

Понятно, что первая горизонтальная карусель — это просто для самых маленьких. Я со временем, поэтому, начинаю её больше любить за зверюшек, которые становятся как друзья и фактически единственными, с кем я «коммуницирую», помимо членов моей семьи.

А есть ещё в другом углу территории, недалеко от касс, аттракцион «Лодочки». Это просто качели такие большие в форме лодок. Туда обычно вдвоём встают в разные концы и начинают раскачивать. Можно очень высоко раскачаться. Но там как-то нет страховочных никаких пристёгиваний, и там надо просто держаться двумя руками. И видимо поэтому мы пока туда не ходим, только смотрим. Как и на все остальные карусели этого парка.

Вообще, в теме этих каруселей и аттракционов мне сразу бросается во внимание вот эта тема преодоления страха и продвижения в какую-то дальнейшую, взрослую, более смелую жизнь. Каждая карусель — это как ступень. Не то чтобы я сильно чего-то боялся, кроме «Сюрприза», но тем не менее на каждый новый аттракцион я иду сначала с мамой всегда, по её инициативе. Таким образом я понимаю, что там есть что-то, чего, она думает, я могу испугаться, или какая-то опасность, о которой я не знаю. «Инстинктивно» я боюсь только «Сюрприза», как я уже сказал. За счёт его размера, визга людей оттуда и шума. А страх перед остальными аттракционами создаётся, — за исключением, может быть, ещё их механизированности и вращения самих по себе, что будто оживляет их в больших чудищах, — скорее вот этими всеми страховочными ремнями и маминой инициативой идти на них первый раз всегда с ней. Вот этими всеми опасениями взрослых за непонятно что. Всё это создаёт дискомфорт перед чем-то неизвестным. И вот преодоление этого дискомфорта формируется в отдельную тему, на которой я становлюсь немного заиклен. Тема — «Слабак и трус ли я?».

\*\*\*

Вторая половина дня, ближе к вечеру. За окном солнечно, светит в среднюю комнату. Я встал в своей кроватке. Кто-то к нам пришёл. Открывается дверь — и в комнату засовывается голова маминой подружки. Улыбающаяся.

У мамы есть подружки. Немного, но есть. Это тётя Рита была сейчас. Вроде какая-то связанная с мамиными деловыми делами. Дела, где она ходит в районе площади, в какие-то здания, с кем-то здороваются. Вот и Рита откуда-то оттуда же.

Мама меня поднимает из кровати — и я побежал по квартире. Они там сидят на кухне, а я — тут везде. Я вот люблю так. Чтобы мама была занята кем-то — она так веселее. Да, в смысле, так вообще в принципе веселее. Мы, когда вдвоём, — какие-то беззащитные. Когда мы вот были вдвоём некоторое время назад, всё было как-то серо, а на улице холодно. А сейчас вот какая-то движуха началась, к нам стали приходить, и параллельно погода стала солнечной всегда.

Есть ещё дядя Серёжа. Тоже приходит иногда. Вот он вообще сильно связан с мамиными делами. Там всё по-взрослому, там какие-то листы бумаг, какие-то разговоры, которые мне ни интересны, ни понятны. Тётя Рита — попонятней. Женщины вообще попонятней. Я вот живу с мамой, и мне с ней очень понятно. Женщины часто заигрывают, говорят на понятных мне словах. Дяди — не так, дяди — более чужие. Но этот дядя Серёжа всё равно нормальный. Из мужчин в принципе я знаю только трёх — отца, деда и дядю Серёжу. Дядя Серёжа — средний по возрасту между дедом и отцом.

Отец был с мамой изначально, они давно вместе, они у меня считаются самыми близкими. Не сравнить с дядей Серёжей. Дядя Серёжа — какой-то чужой, совсем не близкий. А тут — мама, отец, они намного ближе друг к другу, намного лучше понимают друг друга, и между ними никогда не бывает сильно заумных разговоров, и они смеются.

Я давно в этой кровати, но я помню лишь только недавний период меня в ней. Как-то раз к нам приходила бабКлава и поднимала меня, а потом подносила и ставила обратно в кровать. Часто описываюсь, и начинается возня вокруг меня. Запах мокрого белья, запах резиновой клеёнки под простынёй. Мама с бабой возятся, меняют мне эти пелёнки, пока я жду на двуспальной кровати.

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 6. Игры на полу в зале,,, пуговицы,,, фильмы Михалкова,,, серость бытия,,, кроссовки с дырочками как у дяди Серёжи,,, про пляж,,, белые плиты музея,,, мороженое,,, на маленьком велосипеде по квартире,,, отец делает мебель для маленькой комнаты.

.....

В последнее время наиболее популярное у меня занятие, с которым я коротаю время дома, — это игра на полу в зале с какими-нибудь предметами. У меня нет своей комнаты и какого-то места, я большую часть времени провожу всё-таки в кровати и сплю. А вот когда не сплю — то я на полу в зале. Мои игрушки лежат тут.

Но больше интересуют не игрушки, а какие-нибудь пуговицы и непонятные предметы. Только тут всё как-то связано либо с одеждой, либо с мебелью, либо с уборкой квартиры, либо с запахом из шкафа с одеждой в коридоре, где стоит пылесос. Всё какое-то хоть и неизведанное, но всё-таки скучное. Как и журналы, лежащие тут, в столе на колёсиках в зале, — на которых нарисованы женские пальто и женщины-модели. Страницы у журнала — старые, скучные. Рисунки — скучные. Так же и пуговицы — скучные. Вот если пуговица блестящая — это уже интереснее. Но в основном они у нас не блестящие.

А в телевизоре идут неинтересные фильмы. В смысле, я ничего не понимаю. Они ещё и чёрно-белые. Да у нас телевизор в принципе чёрно-белый. Я видел на витринах магазинов цветные телевизоры — и это был другой мир. А в нашем прям всё скучное, серое. И ещё в последнее время я не раз слышал песню «А я иду, шагаю по Москве». Хоть и запоминается

мелодией, но навевает какую-то тоску. Но мне запоминается, что её поёт дядька — как мама говорит, с моим же именем: Никита. Никита Михалков. Он ещё и режиссёр. Я так и не понимаю пока, как он выглядит. Но он становится моим любимым режиссёром. Хотя я ничего о нём не знаю — как и не знаю ни других режиссёров, ни что такое режиссёр в принципе.

В шкафу, в маленькой комнате, где-то в белье, там лежит какой-то «микрофон», на который я наткнулся в истерике из-за утраты тити. Помимо микрофона, там лежала некоторое время ещё какая-то штука с клавишами из этой же темы. Вместе с микрофоном, это что-то связанное с музыкой. Это никогда не доставалось и принадлежало какому-то знакомому моих родителей из соседнего дома, хоть и почему-то лежало у нас. А у тех знакомых ещё какая-то девочка моего возраста — Ингой звать. Её отец — весь необычный, непохожий на нас, в смысле людей нашей семьи. С длинными волосами он.

Сейчас нету уже и микрофона. Это были интересные вещи. Не то что наше белье и пуговицы. Те вещи были связаны с жизнью, которой в нашей семье нет. И с магазинами, где какие-то лампы, провода, незнакомые запахи и длинноволосые мужики.

Снова отмечу — и не в последний раз — что вся жизнь пропитана вот этой невыносимой серой скукой. Всеми этими пуговицами и тряпками. Бесконечной одеждой угрюмых цветов. Я пока не имею представления, как может быть иначе, но просто чувствую, что то, где я нахожусь и с чем имею дело, — слишком скучное и угрюмое. Люблю яркие вещи сочных цветов. Например, мой яркий домашний костюм из жёлтого бархата. Особенно когда он как-нибудь лоснится на свету. Вот это мне нравится. А в серой и чёрно-белой фигуре — всех этих шкафах с родительской одеждой, фильмах в нецветном телевизоре — в этом всё я просто не понимаю, что можно любить. И мне не интересны обычные взрослые и их обычная жизнь, типа того, что в фильме с Михалковым.

\*\*\*

То ли баба Валя приезжала и привезла, то ли передала, то ли откуда-то ещё: появились у меня кроссовки. Белые, с дырочками для проветривания. Это явно более крутая обувь, чем мои предыдущие сандали какие-нибудь. А главное — то, что они с дырочками и белые, — делает меня похожим на дядю Серёжу, у которого белые мужские ботинки с дырочками. Дядя Серёжа-то — крутой и серьёзный.

Вот мы идём с мамой в парк аттракционов в солнечный день, с утра, и тут ещё немного людей, и мы встречаемся тут с дядей Серёжей. Совместили их деловую встречу по бумажкам и меня выгулять. Вот стою, смотрю на его ботинки, переминаюсь с ноги на ногу и оцениваю, чья обувь лучше: его или моя. Взялся теперь сравнивать вещи. Мои кроссовки — новые. Мои — лучше.

\*\*\*

С родителями я постоянно хожу на прогулки и часто на пляж. Это отдельная тема, значительная часть моего бытия, и это я опишу как-нибудь отдельно и детально.

На пляж ходим, когда втроём, а когда только я с отцом. У меня есть трёхколёсный голубой велосипед, и почти всегда мы берём его с собой.

Вот возвращаемся с отцом домой с пляжа. Спустились с набережной, идём вдоль музея. Лёгкий дождь — мы из-за него и ушли. Мокрый асфальт, запах прибитой дождем пыли. Мне уже знакомо это всё: и места, и улица, и запахи.

Наискосок от музея продают мороженое — продавщица на стульчике, и перед ней белый ящик с отодвигающейся прозрачной крышкой. Мы тут постоянно берём. Вот и в этот раз:



пломбир в стаканчике — самое простое. Мы почему-то никогда не берём никакие остальные в блестящих фантиках, которые мне как раз хочется.

\*\*\*

На велосипеде я катаюсь и по квартире. Вот заезжаю в маленькую комнату. Тут почти пусто — шкаф вынесли и перенесли в среднюю, а здесь готовят комнату для меня. Отец мастерит мебель. Первым делом он сделал кровать для меня. Я уже не знаю, где та моя колыбелька-кровать из средней комнаты. Новая кровать — простая, из ДСП досок. Это основной материал, из чего он делает; реально деревянного — почти нет. А дно моей кровати — ДВП листы. Те, которые порвутся как бумага, если размокнут. Постоянно, в общем, отец сидит, пилит по всей квартире, опилки летят, и пахнет этими материалами. Мне опилки нравятся — они будто тёплые, в них хочется залезть, как мышь, и сидеть, высунув лишь нос. Я на них чуть ли не кувыркаюсь.

Вскоре я уже основательно в маленькой комнате. Тут также изготовлены напольные полки, и на них стоят мои скучные игрушки, матрёшки, скучные машинки из пластика. И тем более скучные книжки. Но мне часто читают из этих книжек какие-то рассказы или сказки. Я во всё это верю, и меня даже впечатляет. Но только покуда есть иллюстрации. Без них — не могу представить того, о чём читают. А в наших книгах — не много иллюстраций, и они обычно очень эскизные.

\*\*\*

....

>>> Часть 3 текст 7. Заболел,,, лечимся,,, приходит врач.

....

Заболел.

Для меня это уже знакомое — то, что происходит со стабильной регулярностью, обычно раз в сезон. Первым делом с утра я чувствую усталость и маленькую острую резь в горле. Как будто там полоска, просто трещинка какая-то. Проходит несколько часов, и я уже не могу говорить. Всё горло болит. А главное, появляется очень сильный озноб на фоне этой боли. Это снова нечто непонятное — я не понимаю механизмов и что происходит, не представляю, как выглядит там горло. Мама смотрит в мой открытый рот и говорит, что горло красное, и я просто ложусь в кровать в своей маленькой комнате, а мама начинает суетиться вокруг, и она ещё достаёт большую красную коробку с таблетками. По моим наблюдениям, когда я болею — отца сразу нет. Возиться со мной, бегать с таблетками и малиной — занятие мамы.

В основном она сразу даёт мне чай и вот малиновое варенье. Или мёд. Мёд у нас стоит в трёхлитровой банке на кухне, в разделочном столе за дверцей. Мёд — это такая твёрдая жёлтая масса, которую мама почти откалывает ложкой. Я не очень его люблю — слишком сладкое, и мне кажется, оно ещё больше раздражает режущее горло. Вот, в общем, мама начинает мне это всё давать, а я всё больше дрожу, поднимается температура и вскоре я просто засыпаю в аду боли горла и всего.

Ночью я просыпаюсь непонять сколько раз, и у меня вообще всё мешается — прошла ли это одна ночь или прошло уже несколько дней так. В течение этой бесконечной ночи мама ставит мне какие-то горчичные компрессы на грудь, даёт то кислые, то горькие таблетки, постоянно меряет температуру градусником мне подмышкой, и если температура совсем большая,//// рн ммэ онжмлпзп йэизв-сл ёэонмммёеяычзв рягцё б ннмс — з ысл рэкнв рпояхлнв. \\\

\\До последнего я отговариваю, ну а если всё-таки вставляет, то это обычно когда меня совсем лихорадит и мне уже на всё пофиг.

Хотя мамина кровать — в той средней комнате, каждый раз, как просыпаюсь, — она рядом. За окном темнота. Вот, пока в очередной раз «потею» после очередного заvara малины, она сидит и ждёт, чтобы потом сменить мою пропотевшую футболку на другую.

Часто мама звонит по телефону, который, кстати, можно подключить в розетку и в маленькой комнате, и в разговорах — наверно с бабой — то и дело звучит слово «ангина».

Я лежу в этой лихорадке и думаю, как «ангина» похожа на слово «Инга». Ещё у мамы есть эта белая большая тяжёлая книга с тысячей страниц, которая называется «Мать и дитя», и она периодически отходит в зал на кресло и сидит, читает её. Я иногда смотрел в ту книжку, и там кучи картинок непонятно чего, и, хоть они и все на один вид, некоторые из них — это картинки горла, и там есть картинки горла больного ангиной. Мама показывала, и там наверху нарисован маленький язычок, и я видел такой у себя в зеркале между ванной и туалетом, когда мама меня приподнимала посмотреть. Но я никогда не видел у себя этих белых штук, которые там нарисованы по бокам от язычка. Похоже на гриб мухомор в целом.

В состоянии «заболел» тоже есть что-то звериное, только в этом случае — инстинктивно самоуспокаивающее. Потому что при вот такой болезни — простуде и температуре — не возникает сильного страха, что что-то случится. Это то, что отличает болезнь, как у меня сейчас, от рвот и всяких острых болей в других местах. А те острые боли и рвота — они прям инстинктивно страшные, как я и рассказывал.

Ну и вот второй, следующий день — утро. Утро — ужасное: горло, по ощущениям, обволокло какой-то адской скорлупой.

Мама до сих пор хлопочет рядом, как будто и не отходила. Тон у неё другой сейчас: доброжелательный, но серьёзный. «Сейчас придёт врач». Тут сейчас всё серьёзно, сейчас будет чужой человек в квартире, причём так глубоко в квартире, что аж дойдёт до моей кровати в этой дальней комнате.

И вот звонок в дверь. Звонок у нас звучит звуком «динг-донг», или даже ближе к какому-то «чамп-ча», и непонятно откуда — я, наверное, никогда не узнаю.

Мама открывает, слышу её комментарии: «Ой, да не надо, идите прям так, идите». Шаги по коридору нашему длинному. Вот она, уже не раз приходившая и потому знакомая — тётя врач. Не разуваясь, зашла. На шее у неё слушалка сразу. Просит у мамы ложку. Ложка уже была заготовлена. Смотрит мне горло. Мне надо привстать, и она меня слушает. «Дыши глубже». Когда я угождаю достаточно глубоким вздохом, она говорит «хорошо». Всё, я могу лечь обратно.

Выписывает маме бумажки какие-то и что-то про лекарства. Говорит, что нужен постельный режим. О чём-то мне непонятном говорят. У меня ощущение, что они с мамой уже давно знакомы, даже не по теме моей болезни. Тётя врач что-нибудь мне говорит подбадривающее и подшучивающее. И постепенно уходит. После ухода тёти — немного тревожно.

Всегда после ухода любых гостей из квартиры и оставаясь с мамой вдвоём становится тревожно. Всё потому, что мама сама какая-то тревожащаяся. Когда она остаётся одна на один со мной, я, вот так ощущая отсутствие теперь дополнительной поддержки в лице врача, например, или гостя в доме, чувствую, что она начинает себя чувствовать беспомощной. Если уж совсем утрировать, то после ухода гостей и врачей становится «тошно». Таким словом мама сама характеризует чувство тревоги, она его как-то раз употребляла. Ну а когда у нас гости, когда нас хотя бы трое в квартире — вот тогда прям пир и веселье.

Вообще, я замечаю, что настоящее веселье и «коллективное» счастье начинается от трёх человек. В двух людях есть рискованность. Когда людей только двое, если один как-нибудь выходит из строя — второй остаётся один. Если с мамой что-то случится — я ведь останусь в

квартире один. И всё. А учитывая, что я ребёнок, я понимаю, что тогда пропаду. Я ведь даже до ручки двери не дотянусь, не смогу помочь ни ей, ни себе.

Через несколько дней горло начинает проходить, возвращаются силы, и в куче тёплых свитеров можно чуть-чуть поиграться на полу.

По вечерам мама читает мне книжки. Сейчас у нас — про унесённых на льдине. Там ещё какие-то пожарники, про то, как они спасали унесённых на льдине, или что-то такое. Есть иллюстрация пожара на тонущем большом пароходе. Иллюстраций — мизер, по одной на рассказ.

У мамы кипит чайник на кухне, и она уходит, а я продолжаю листать книгу. Это всё — в маленькой комнате. Вечер, свет от лампочки на потолке. Мы пока никак не можем пройти дальше первых историй. Каждый раз начинаем читать с первой, или я просто сам сижу, разглядываю иллюстрации.

Ещё у нас есть книжка «Путешествия Карики и Вали», очень большая и долгая, там один большой рассказ. Пробовали начинать, но пока не пошло. Что-то про миниатюрных детей, в смысле вообще размером с пальчик, и как они попали в мир насекомых и всей этой мелкой жизни в траве. Интересная идея.

Парим мне ноги. Это мама сыплет какую-то горчицу в горячую воду в таз, и я сажусь и пытаюсь окунуть туда ноги. Сначала горячо и мучительно, но потом, когда остыло и я уже опустил — наоборот уютно, и сидишь в итоге, пьёшь чай, пахнет мокрой горчицей, ну и читаешь с мамой эти книжки. Ну в смысле она читает, а я только представляю и смотрю картинки.

После того как я переболел, обычно недели полторы, я уже знаю, что нужно будет идти в поликлинику. Давно не был на улице.

\*\*\*

∴

\_\_\_ Часть 4.

∴∴

>>> Часть 4 текст 1. Идём в поликлинику.

∴∴∴

Идём в поликлинику.

Вышли из подъезда, прошли между палисадником и торцом дома — и вот мы на улице. В этот раз нам не на улицу с театрами — которая, кстати, так и называется — «Театральная» — а в сторону бабКлавы. После палисадника, поэтому, — направо. Проходим красный кирпичный домик «музея Льва Кассиля». Тут есть лестничный спуск на глубину цокольного этажа — и потом такой же подъём обратно, и я тут постоянно спускаюсь и пробегаю там.

После этого домика дальше сразу опасно — дорога-выезд из двора дома, на торец которого у нас окна маленькой комнаты и зала. Тут машины могут выезжать или заезжать — за руку с мамой сразу, поэтому.

Дальше мы переходим улицу Льва Кассиля на другую сторону. Проходим остаток улицы Льва Кассиля в сторону улицы «Площадь Свободы».

С Льва Кассиля поворачиваем на улицу Площадь Свободы. Тут какая-то гостиница — не знаю, что это. Для взрослых это. Дальше идём, идём, идём по этой улице. Долго идём. По пути разные дома и окна на первых этажах — в окнах растения в горшках на подоконниках и

занавески. Если вижу в этих окнах людей, то это целое событие — и я потом полдня об этом вспоминаю.

И ещё тут всяческие въезды во дворы — пока идёшь по этой улице, поэтому тут всегда за руку с мамой.

Доходим до перекрёстка с улицей Коммунистическая. Тут светофор — один из нескольких, что я видел в нашем Энгельсе. Мама всё поучает, что надо ждать зелёного света. На красный стоишь, жёлтый готовишься, а зелёный — пошёл. По ощущениям, правда, кажется, что пройдёт ещё вечность, прежде чем я буду один ходить по улицам.

Переходим Коммунистическую, а потом ещё и улицу, по которой шли, — и оказываемся на углу возле спуска в Детский парк — и тут ещё стоит памятник. Этот памятник — монумент «Родине-Матери» или какой-то «Учительницы с детьми».

А на другой стороне Коммунистической от этого угла стоит здание, которое так и называется «Родина».

Тут мне постоянно объясняются разные вещи, связанные с этим всем, но у меня всё мешается в голове. И тут Родина, и там Родина — и всё это ещё и мать. А женщина с детьми в этом памятнике вся какая-то не женщина, а мужичка. И ещё я уже где-то слышал слово «Родина-Мать» и вообще видел уже каких-то других таких женщин-мужичек в форме памятников. Всё это у меня в итоге связывается с ушедшим временем — с чем-то прошлым и предельно скучным. С чем-то серым, как наша половая тряпка в дырках.

Женщин-мужичек я вижу даже и просто в реальности. Вот они — прямо мимо нас идут. Это всё такие «бабины». Куда-нибудь они идут тоже в сторону поликлиники или тут по делам. Или они идут в эту Родину, в это здание. Их одежды — прям серые. На головах какой-нибудь берет. Мне они неприятны — они не как мама. Мама — хрупкая и моложе явно, а те — уже прям тётки. С сумкой какой-нибудь идут, кудрявые, некрасивые. Ну, короче, не могу. И мне неприятна в итоге вся цепочка ассоциаций: Родина, памятники, половая тряпка, некрасивые тётки-мужички, кормилицы с большими титьками, толстыми руками, способные колоть дрова и всё такое. Вот из-за того, что я живу среди этого всего и вынужден это всё каждый день видеть — я и стремлюсь к вещам «оттуда» — типа шампуня Джонсонз Бейби. По телевизору видел рекламу и хочу его.

Спустились в парк. Он как бы в низине. Через него идёт Косая аллея насквозь — она выведет нас на улицу Персидскую, на которой и находится поликлиника, и которая является главной дорогой к бабе. В парке сначала идёшь — и по бокам скамейки, на которых бывает пьянь. Для меня пьянь и бомжи — это как волк в мультфильмах. Что-то страшное, непредсказуемое. Чувствую, что и мама их боится. Чувствую, что она не защищена в этом мире — даже она, взрослый человек. Чувствую, как она крепче сжимает мою руку, когда рядом такие субъекты, и ускоряет шаг. Ещё они воняют. В основном бомжи водятся в мусорках, а пьянь — на скамейках. Что значит «пьяный» — не знаю.

На середине парка, за забором, — большая церковь. Туда мы ни разу не ходили — я не знаю, что это такое. Но иногда оттуда — звон колокола, и если мы его слышим, то опять же это целое событие, и мы потом идём и обсуждаем.

Теперь идём вдоль серого бетонного ограждения двора церкви справа. Оно выставлено плавными изгибами — то впадает, то возвращается. На земле вдоль него — грязь, лужи, и в совсем непроходимых местах поверх этого положены настилы, чтоб по ним пройти.

А слева нас — деревья. Тут очень дико — ни детей, ни кого. Я думаю, что в этих деревьях — волки и ещё эти бомжи. Я туда поэтому и смотрю — вдруг я там увижу что-нибудь страшное. Иногда там действительно что-то мелькает и шелестит, как будто кто-то ходит. И это называется «Детский парк». Но в одном месте за кустами виднеется площадка, и там стоит ракета. Раскрашена яркими цветами, но вся старая, и я никогда не видел с ней никаких детей — никто туда не подходит, тут все стараются быстрее пройти весь этот парк.

И вот наконец за деревьями впереди снова видно цивилизацию и улицу. К ней подъём вверх — несколько раздолбанных ступенек опять. Справа и особенно слева — какие-то ветки, бурелом какой-то вообще.

Как выходишь из парка — слева вдалеке где-то Волга, а справа — фиг знает что. Дорога с машинами. Переходим тут улицу Пушкина и идём по левой стороне Персидской — потому что тротуар тут только с этой стороны. По Персидской машины едут очень редко, но мы всё равно идём почти всегда по тротуару.

В самом начале Персидской, слева — сначала опять старые дома, в которых окна наполовину под землёй — и туда видимо стекают все лужи. Непонятно вообще, как там живут. Мимо этой полуподземной жизни под лужами, тут ещё постоянно ходят в поликлинику тётки с детьми — а вокруг всё предельно серое и безрадостное. А дальше после этих домов сразу ещё начинается какой-то цех, от которого пахнет мучным, печеньем и в котором постоянно что-то гудит. Я бы ни за что не хотел тут жить.

В конце первого квартала Персидской, на углу, — кондитерский магазин «Сказка». Там есть конфеты, но их нужно ещё заработать — нужно сдать какие-нибудь анализы или отсидеть в скучной очереди поликлиники. Учитывая то, что я всё равно не могу отказаться ни от чего, зачем мы ходим в поликлинику, мы в эту «Сказку» заходим почти всегда, даже если идём просто к терапевту послушать меня слушалкой, как сейчас. Это единственное, что есть приятного в походе в поликлинику.

Ну а сразу через дорогу от «Сказки» — поликлиника. Четыре этажа боли и деструкции психики. Сначала вдоль по первому её этажу идёт такой длинный балкон-веранда с перилами. Туда, когда мама с кем-то говорит, выходя из поликлиники — я захожу и хожу туда-сюда. Оттуда никаких дверей в здание нет.

Ну и вот после этого балкона — там ступеньки вверх и вход в поликлинику. Дверь — деревянная, старая, обшарпанная. Заходишь сначала в холодный тамбур — тут изредка стоят коляски. А дальше — вторая дверь — вот она уже в главный холл поликлиники. Все эти двери в этих сенях отделаны какой-то деревянной облицовкой. Всё очень старое.

Как зашёл в поликлинику — сразу запах медицины и больниц. Мама научена, и она идёт сразу к окошку — оно называется «регистратура» — из которого тётки в белых халатах уже выдают медкарты. Медкарта — её называют просто «карта» — это вот такая книжечка, в духе родин-матерей и половых тряпок. Открываешь скучную шершавую обложку — и там вклеено миллион бумажек, исписанных предельно скучнейшими надписями. Почерк такой, что даже если бы я умел читать, я бы ничего не понял. Но мама с умным видом водит по надписям пальцем и что-то там понимает.

В этом холле ещё есть аптека, прям внутри поликлиники. Перед анализами мама обычно там что-то покупает. Ну а ещё тут гардероб. Туда сдаём верхнюю одежду в холодное время, и тётя выдаёт номерок — металлический такой диск с цифрой и с дыркой, который я могу крутить на пальце. А ещё рядом с гардеробом — лоток с пирожками и булками с сосиской. Мини-буфет.

....

>>> Часть 4 текст 2. Экскурсия по поликлинике,,, первые два этажа.

.....

Экскурсия по поликлинике. Я сделаю её по ходу этого нашего шаблонного похода в поликлинику после болезни, когда нужно всего лишь посетить терапевта.

Вошли, спиной к Персидской улице, впереди — регистратура, слева — пирожки, гардероб в окошке, за стойкой — тётя. Справа — аптека. На нижней части витрины аптеки —

большая детская картинка, какие-то рисованные персонажи из детских книжек. В стилистике картинки на том кинотеатре «Ударник» на Театральной улице.

После аптеки справа дальше — продолжение коридора первого этажа, и там всё темно и воняет сортиром. Там сортир, а ещё там в самом тупике — кабинет «Дневной стационар» — там сидят тётки за столами и что-то пишут. Туда мы ещё не заходили.

А где аптека — тут сразу лестница. Поднимемся на пол-этажа. Между первым и вторым этажом из окна вид на какое-то здание, мама говорила — «бывший туберкулёз». Не знаю, что это, но как-то связано с заразой и гадостью.

Но это первая лестница. А есть вторая. Это если от главного входа пойти по коридору мимо гардероба и прочего в другой конец первого этажа, как бы в сторону магазина «Сказка». Вот там мы и ходим чаще. Сначала гардероб, потом узкий дверной проём, и дальше двери в кабинеты пошли справа.

Тут нестрашные кабинеты, кажется. И мы сюда ещё не заходили.

Кроме входной части в поликлинику на первом этаже, где люди без конца заходят и топчутся, и поэтому там на полу плитка, во всей остальной части поликлиники — везде рыжий старый линолеум с выбоинами.

План всех четырёх этажей примерно одинаков, и поэтому если идёшь по поликлинике на запад — слева вдоль стен и, когда слева нет кабинетов, в углублениях у окон — везде стулья. Стулья тут деревянные, и они выставлены одним рядом и скреплены, и у них ещё подлые переворачивающиеся сидушки: если поставишь сумку на дальнюю их часть — сумка провалится. Ну а если вставить пальцы в щель между спинкой и сидушкой и кто-нибудь сядет на сидушку — то всё. На этих сидушках сидишь, и можно смещать вес тела назад и как бы проваливаешься с сидушкой.

Как я говорил, иногда по левой стороне коридора кабинетов нет, и тогда там углубления с окнами на Персидскую и цветками в горшках. Вот в конце коридора первого этажа, возле поворота направо на лестницу — как раз слева такое углубление с окнами на балкон на уличной части поликлиники, и тут по кругу стулья для ожидания. Тут кабинет, где делают соскоб херов.//// Ысл мэвн пмыры цсэль, пзёгяжмрры ннмс, ж яояфжфэ сшиявр псгэ йэинж-сл ррунж оёйнж, ё ьпм кгбшлножл. Ь олия вядг кг модбпсэакь, хсл сэж я жэвмёфд, йэи пюл арг бшб-кьвзп. Ммрпмюклн втйюэ м пмл, цпм лрсрвя аьигжэьс иязючзж, хсл ьпм оюлээ аююеляь цэпсц свйя. Я анп слйызм яояфжфэк — рэжяь риюрпъ ммцвкт-рн ртбю еюквёсц. Пщйксс ж оояес кюцёляыр аодйгсц рямзйж монюжпзюлё, бюёв мв тондяюдхъ ммрймснгсц, фгл ьсл нкж пюл рьзлтиж. Ю вче, тфжсшаяь, фрн лябм олзйюсц чпюмш — ппэёт унимгкм, ж ляграявр мжрщит ж джблр. Лдмозьрмлг лчтцгмёг лбниэсцпю а кгглкяхлдж нюпсэлняид. Б мацгл, мвннкэскмд ж кгонжюплнв. Км ею ьрн кмв олрнй арвдп йллувря жж «Рзюжзж», мэ йлрннсэ ияз пэё яжг жж мйкю ялтпоз пноинюлнам зюаёлдпю. Кяйю ом йлнж б иаяюжмврд. \\\Ну, соскоб — это цветочки по сравнению с другим. Вот через один этаж вверх и прямо в этом же месте коридора — вот там жесь будет.

Сейчас нам на соскоб не надо, мы заходим на лестницу и идём на второй этаж и сразу направо — в конец коридора с окном прямо на «Сказку», а по сторонам тут несколько кабинетов с самыми нестрашными врачами поликлиники — терапевтами. Тут всегда многолюдно и долгая очередь. Сидим, ждём, а часто стоим, потому что сесть негде.

На отрезке между выходом с лестницы и кабинетами терапевтов есть неосвещённое углубление слева, и там просвечивающаяся стеклянная дверь — в туалет. Я туда как-то раз заходил, там окно на туберкулёзный двор поликлиники, и чувство как будто я был в этом туалете очень давно. Как будто я здесь родился. Светлая плитка, слишком большое окно по отношению к помещению, много света, несмотря на тёмную сторону.

У меня вообще ощущение, как будто, пока я живу, прошло уже очень много лет.

Я брожу от скуки по всем этим коридорам, пока мама стоит, ждёт нашей очереди у двери в кабинет. Дети с бабками, дети с мамками заходят, выходят. И вот, когда какая-то мамка с ребёнком выходит, мама меня подзывает: «Никит, мы следующие. Тихо». Вход — по приглашению. Стоим наготове. Какие бы нестрашные врачи ни были, при вызове в кабинет всё равно тревога всегда. «Проходите следующие». И мы заходим.

У терапевтов в каждом кабинете по две тётки, друг напротив друга, за двумя столами, и очень много бумаг. Что интересно, это как раз те тётки, которые приходят на дом, когда болею. Пару из них уже помню. Самая знакомая и которая последний раз к нам приходила — темно-волосая, короткостриженная, и у неё ещё приросшие мочки на ушах. Незнакомая форма ушей — у нас таких в семье ни у кого нет. Сразу в глаза бросается.

Терапевты эти редко поднимают голову от бумаг, постоянно что-то пишут своим огромным почерком. Сидишь молча, не отвлекаешь, мама тоже молчит. Если мама спрашивает врачей что-то, то обращается по имени-отчеству с большим уважением, пытается быть доброй и шутить. Тётки эти тоже в целом добрые. Дальше наша говорит мне: «Маечку поднимаем», и я встаю к ней то спиной, то лицом, верчусь, пока она прикладывает ко мне свою холодную слушалку. «Дыши глубоко». Стою спиной к тётке, лицом к маме. С мамой улыбаемся, перемигиваемся о чём-то своём. Мама подальше сидит на кушетке, а я возле тётки на стуле всегда, хотя я нужен только на вот эту процедуру прослушивания слушалкой. Ну и ещё иногда они берут какую-то металлическую фигню, которой залазят в рот и давят на язык — очевидно, осматривают горло на красноту. Это не очень приятно: от этого надавливания слезятся глаза, язык ещё некоторое время раздражённый, а во рту остаётся вкус металла.

После терапевта, как сейчас, обычно идём домой через «Сказку». Но сейчас мысленно пробежимся по основным оставшимся кабинетам и местам поликлиники, чтобы закончить экскурсию.

Вот обратно по коридору идёшь, в сторону как бы БабКлавы, и вскоре тут такое пустое место вместо очередного кабинета: окна на Персидскую, горшки с цветами на подоконниках, сидячие места по краям и входы в разные кабинеты.//// А лвмлк ёё зюаёлдпмб ля пнилдфлты рпмпплт кмв сгрйэ нокапозяюкэ оёпызс. \\\A напротив него — кабинет тоже на солнечную сторону, только в нём абсолютно темно — тут делают УЗИ. Это единственный кабинет в поликлинике, где врач смотрит в какой-то маленький медицинский телевизор. Всё там чёрно-белое и вообще неинтересное, но глядя на него, на его миниатюрные размеры, я задумываю фантазию о том, как круто было бы иметь переносной телевизор, и интересно, возможно ли такое.

УЗИ-шница всегда говорит раздеваться и снимать маечку. Ложишься на кушетку возле наглухо зашторенного окна, и вскоре она противно смазывает чем-то мокрым живот и начинает водить своей штукой, немного нажимая. Это как массаж. Всё это мне не очень приятно в том плане, что меня раздражает, что они контролируют моё тело, знают о моём теле больше, чем я. Я не знаю, что может произойти с моим телом, а они знают. Все эти тётки в белых халатах... Из этого вытекает подсознательное чувство — мысль, что они владеют мной. У меня даже ощущение, что они владеют мной больше, чем мама. Ведь мама полностью доверяет им и делает, как они скажут. В этом и заключается страх поликлиники — тут я принадлежу чужим людям. Это как будто они лишают меня мамы, отбирают меня у неё. И это, в свою очередь, усиливает страх потери мамы.

В кабинете на тёмную сторону, сторону туберкулёза — кабинет невролога. У него садишься, и она стучит подло по самым болезненным сухожилиям, типа внутреннего бока коленей или по самой коленной чашечке. Это ужасно. Я терплю настолько терпеливо, насколько могу. Это как когда ударишься локтём — в локте есть это сухожилие, после чего ни о чём больше не можешь думать, кроме страдания, в течение целой минуты. Вот она все

эти болевые места знает и стучит молоточком именно по ним. И это называется медицина и лечение! Одна боль от этого лечения и врачей.

Взять, например, следующее по коридору открытое пространство, где так же по кругу сидячие места и кабинеты. Там — «кабинет манты». Манта, манка. У меня всё смешалось сразу. Оба слова означают болезненное или неприятное. А ещё есть менты какие-то. Вот, в общем, в кабинете манты уже проливается первая кровь. Тут колят шприцом в руку. Я всегда реву, не хочу туда идти. Мама успокаивает: «Нужно, сынок, ну потерпи, нужно». Туда ещё и один проходишь... Там всё быстро и резко происходит. Медсестра — молодая, моложе, чем УЗИ-шница и тем более терапевты. У неё и бумаг особо нет. Ходит и делает всё быстро. Рукав по локоть задрать, слёзы подтереть. Ваткой чем-то смачивает место на внутренней части руки — самой чувствительной, естественно. Достает шприц, набирает фигню из капсулы, брызгает в воздух, пока я брызгаю последнюю слезу труса, и подносит, и я весь в аду, и всё — пизда: она прям вводит под кожу иглу, и я вою. Прокалывать тело — это что-то неправильное. Есть какая-то инстинктивная боязнь этого. Потом слёзы продолжают, но это уже слёзы победителя. Выходишь из кабинета — и мама или баба — которая тоже иногда приходит, чтобы занять очередь или типа того, — уже держат в руках награду мне: конфету или банан. Тему труса и победителя — это они мне внушают. По мне, если расплакался, — то так и остаёшься трусом. Теперь нужно сколько-то времени подержать вату в месте укола, а потом, когда убираешь — там красное на вате. Это вот первая кровь.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.